

Елена ГРИГОРЬЕВА

ОДИН АПРЕЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

Мне восемнадцать лет, я не знаю, много или мало, но я уже знаю, что счастлива я не буду никогда. Во-первых, у меня не будет любимого дела, а во-вторых, я не хочу выходить замуж за того, кого я люблю. Он мне, правда, это и не предлагает и, даже, попросту меня не замечает, так что на этой составляющей моего счастья лежит двойная невозможность. Почему я не хочу, я объясню. У меня есть своя собственная точка зрения на этот вопрос: любить можно того, кто выше тебя, а жениться с равными. А, когда люди совмещают одно с другим, они идут на какую-то сделку, или совершают что-то несурзное. Это все равно, что сварить варенье из любимого цветка, или подать к чаю фигурку того монаха из бисквитного фарфора, которым я люблюсь в антиквар ном магазине. У этого монаха розовые круглые щечки, от которых веет покоем и доброжелательностью, а черные глаза так загадочно и лукаво улыбаются, что глядя на него, становится весело.

Так вот, я заметила, что правильно люди видят мир в возрасте от шестнадцати до двадцати лет, если они читают достаточно много книг и смотрят по сторонам. Они могут пользоваться опытом прошлых поколений, и у них пока есть время наблюдать и размышлять. Тогда они видят мир ярко и отчетливо и точно знают, что хорошо, а что плохо. А потом начинается взрослая самостоятельная жизнь, борьба за выживание, все в голове у них перемешивается и искажается, начинаются сделки и компромиссы. От погони за удобствами и обильной еды слух и зрение у них притупляется, и, чтобы с ними разговаривать, уже нужен переводчик. Некоторые, правда, держатся. Тогда они тянутся к молодым и становятся учителями, поэтами, или просто чудаками, но это исключения. Мне вообще-то везет, я часто сталкиваюсь с такими исключениями. Мне кажется, что в общей реке я попала в какое-то особенное течение, где их много и вода почище. Надо сказать, что мне везет во многом. Мне повезло с учителями, они необыкновенные, и с подругами, их целых пять, и с городом, где я живу.

Наш город провинциальный с точки зрения столиц, но это большой город, и, хотя столицы отсасывают из него талантливых, все равно остается достаточно, чтобы было у кого учиться, и жизнь в городе была бы не скучной. Он лежит у южной границы, и сочетание русской культуры с южным темпераментом делает его неповторимым. Пуп нашего города — это центральная площадь. Она, кстати, вторая в мире по величине после Вашингтонской. По берегам этого гранитного озера из зеленых кудрей деревьев выглядывают красивые здания. Одно из них похоже надом из стеклянных кубиков, составленный детьми-великанами. Это тоже знаменитость — первое высотное здание в нашей стране. От площади во все стороны расползаются старинные улицы с особняками и памятниками, говорящими о том, что здесь жили люди со вкусом и размахом. Как положено городу с историей, он имеет свой кремль и два прекрасных собора. Множество кинотеатров, концертных залов и театров наводит на мысль о том, что люди здесь любознательные, а обилие разнообразных институтов добавляет к этому, что они еще и образованные.

Рядом с большой площадью — наша школа. Она старая, красивая и уютная, как и сам город, это уже не совсем моя школа. Теперь я студентка первого курса, а в прошлом году я была ученицей 10 "б" класса, а тот, кто меня не замечает, Алик Дымов, учился в 10 "а". Я не видела его уже целый год, но сегодня увижу, так как в нашей школе будет вечер встречи выпускников. Не думаю, что кто-нибудь из нашего выводка не придет.

Сегодня я едва дождалась конца дня и одеваюсь самым тщательным образом. Не то, чтобы я хотела предстать перед кем-то в парадной упаковке, я просто хочу соответствовать моменту и, к тому же, я ужасно люблю наряжаться. Я не умею рисовать, или еще что-нибудь такое художественное выделывать. Это единственный способ дать разгуляться моей фантазии — создавать из собственного лица и фигуры, при помощи красок и тканей, определенный образ, чтобы он был и современным, и не отрывался от классики.

Не по думайте, что я разукрашиваю себя, как индейский вождь. Наоборот, мое творчество не бросается в глаза, оно едва заметно. В том-то и дело, что новый оттенок волос, цветное пятно шарфика и удачная линия платья могут так изменить весь облик, что играть в это очень увлекательно. Мой учитель в постижении тайн моды — польский журнал "Кобьета и жиче". Наши с ним идеалы совпадают. Я покупаю его каждый месяц в киоске и со словарем читаю комментарии к платьям и прическам. Может и есть журналы лучше, но в наши времена "железного занавеса" из Парижа нам журналов не шлют. Кое-что я и сама поняла, например, что темная полоска у основания ресниц должна быть тончайшей, тогда она только оттеняет глаза, и не придает лицу вульгарный вид. Голубоватые тени на веках делают их выпуклыми и нежными, как китайский фарфор, а перламутровая помада на губах напоминает о плавных очертаниях морских раковин. Мне нравятся все эти душистые тубики, флакончики и коробочки, и нравятся шуршащие пакетики с немецкими чулками, К чулкам у меня особое пристрастие, они струятся из пакета, как легкое золотистое облако, так славно охватывают ногу, и так матово на ней мерцают, что делают ее неотразимой. Когда я натягиваю чулки на свои, правильно выточенные природой ноги, и вижу, как они выглядят в этой упаковке, я начинаю ощущать себя женщиной. Вообще-то ноги — это главная достопримечательность моей фигуры, больше в ней ничего особенного нет. Но, как сказала одна тетка на трамвайной остановке за моей спиной своей приятельнице: "Имея такие ноги, больше ничего и не надо?" Я теперь часто слышу подобные замечания в свой адрес и ловлю пристальные взгляды. Меня это смущает, и я даже заметила, что на улице стала смотреть себе под ноги, но удлинять юбку, конечно, ни за что не стану, иначе буду ужасно несвоевременной. К тому же, в короткой юбке чувствуешь себя легкой и ловкой, появляется радостное желание двигаться.

Однажды на улице меня догнала женщина- модельер, которая из-за меня выскочила из трамвая. Она стала уговаривать меня поучаствовать в демонстрации ее моделей. Думаю, что ее привлекла не только моя модная тощая фигура, но и платье, которое на ней болталось. Надо сказать, что мне повезло еще и с портнихой. Это Александра Архиповна, бабушкина подруга. Слово портниха даже как-то с ней не вяжется. Она мастерица, волшебница иглы и нити. Она поразительно улавливает все капризные выверты модного кроя и безупречно воплощает их в натуре. В сногшибательные маленькие платья она превращает бабушкины юбки и папины широкие брюки из старинных добротных тканей. Александра Архиповна разглаживает их тяжелым чугунным утюгом, который раскаляет на огне. Половину ее крошечной комнатки занимает финиковая пальма, а остальное место отдано черному кожаному дивану со множеством салфеточек и подушечек, на которых цветут вышитые идеальной гладью разнообразные цветы. Раньше рукоделие было ее развлечением, а теперь, когда умер ее муж, это ее работа. Портрет на стене говорит о том, что хозяйка этой комнаты была красавицей. Если послушать маминых подруг, то я тоже стала красавицей. Но мне кажется, что, во-первых, это преувеличение, а, во-вторых, я не знаю, как к этому относиться, ведь удачная внешность — это не главное.

Моя подружка, Ленка, учится в консерватории и вчера взяла меня с собой на концерт какого-то особенного музыканта. В зале я увидела одну девушку, с которой не была знакома, но встречала ее на улице и всегда ею любовалась. Ее лицо было в толпе, как пламя свечи среди шишек на новогодней елке. Я показала ее Ленке. "И ты, Пестовская, красивее ее. На моей свадьбе, когда ты ушла, все сказали, что свидетельница была красивее невесты".

— Почему же тогда у моих ног нет поленицы с поклонниками, — спросила я со смехом.

— А ты от всех убегаешь — ответила моя наблюдательная подруга. То, что я убегаю, это правда. Но то, что меня сравнивают с Муськой и Ленкой, у которых на лице печать божьей милости, не совпадает с тем, как я вижу себя сама. "Наверно, — думала я, — секрет в том, что дома, где нет уже моего любимого дедушки, и каждый теперь сам по себе, на меня из зеркала смотрит обыкновенное невеселое лицо. Но, когда я выхожу на улицу и вижу небо, деревья, людей и радуюсь веселому шуму и гаму, включаются мои солнечные багарей, я оживаю и кажусь всем красивой. Это потому, что я влюблена в весь мир. Не обязательно быть красивым. Нужно всех любить. Сколько любви посеешь, столько ее и пожнешь". Ленке излагать эти мои умозаключения я не стала. Она бы сказала, что это какая-то фантастика. У нее все в жизни определено, Она всегда красавица, всегда умница. Она будет, если и не выдающейся пианисткой, то, во всяком случае, мастером своего дела, так как по восемь часов в день, без выходных обнимается со своим роялем, иногда до трещин на пальцах. Она раньше, кроме своей музыкальной школы, нигде не бывала, только вечером после занятий выходила погулять со мной. Сейчас, в консерватории у нее появились новые друзья, и жизнь ее стала более разнообразной. Она с юмором рассказывает, что в среде студентов там царят весьма свободные нравы, и в общении ее однокурсники утром не всегда обнаруживают себя в собственной постели после бурной вечеринки. А знаменитый на всю "консу" Дон Жуан Боря Говорковский смертельно влюбляется в каждую девушку, которая хорошо ему аккомпанирует в концертах, и говорит, что каждая — для него богиня, и, что, когда он целует этих богинь, у них дымятся пятки, Но Ленкины друзья более уравновешенные. У нее дома теперь можно застать веселую компанию ее сокурсников, можно послушать импровизации на разных инструментах и даже увидеть кукольный музыкальный спектакль. Ленкин муж, Саша, который появился в этом доме недавно, вполне вписывается в эту творческую обстановку. Когда все расходятся, он идет провожать меня домой, не допуская других провожающих. Он говорит: "Эти музыканты — хорошие ребята, но напористые, и с ними нужно держать ухо востро, а ты это еще не умеешь". Саша симпатичный, но все равно, не понятно, почему Ленка вышла за него замуж. Скорее всего, после того, как мама сумела разлучить ее с одноклассником, в которого Ленка была влюблена, ей

стало все безразлично и она в конце концов согласилась на монотонно появлявшегося в их доме с букетом, перспективного Сашу. Вообще-то я заметила, что Ленка так погружена в свою музыку, что на всю остальную часть своей жизни она смотрит, как на что-то несущественное и уступает, если они так уж хотят. Она не такая бесхарактерная, даже совсем наоборот, но, во-первых, ей очень все сложно с ее родителями, которые совсем другие люди, а во-вторых, главная ее любовь — это музыка. Я это чувствую, хотя мы об этом не говорим. Это ее территория, на которую я со своей музыкальной необразованностью не суюсь. Моя мама, когда мне было шесть лет резонно заключила на семейном совете, что детей годами мучают, обучая музыке, а потом, повзрослев, они подходят к пианино только вытирать пыль. И деньги, отложенные бабушкой на покупку орудия детских пыток, были вместе с остальными сбережениями вложены в автомобиль. Ленка посоветовала мне, если я хочу научиться слушать музыку, купить абонемент и ходить в филармонию на все концерты. Теперь я три раза в неделю сижу в мягком бархатном кресле и пропускаю через себя разнообразные мелодии. Это не легко. Сначала я могла воспринимать только небольшие куски, так как мои уши уставали и, как бы закрывались. Постепенно эти куски становились все длиннее, и вот теперь я, не отвлекаясь, могу прослушать концерт из Вивальди и Глюка полностью, и со мной происходят чудеса. Я не просто слушаю красивые переливы звуков, я всей душой устремляюсь за музыкой в дальние дали, в какой-то совершенно другой мир, где видения сменяются одно за другим, то пронзительно вспыхивают, то плавно угасают, Я успеваю побывать в других мирах, прожить другие жизни, в неясные очертания которых я погружаюсь со звуками музыки. Из этих далей земная суета кажется такой мелкой и незначительной, от нее отдыхаешь душой. Иногда ощущение полета такое сильное, что я даже впииваюсь пальцами в кресло, так как мне становится страшно, что я сейчас, и правда, взлечу, смычки удивленно замрут, музыкальный поток иссякнет, и я грохнусь на сцену. И еще. Когда музыка такая вот волшебная, у меня появляется ощущение, что все, кого я люблю, где-то очень близко, я даже чувствую, что от них ко мне набегают теплые волны.

Главный из тех, кого я люблю — это Алик Дымов. Хотя мы учились уже в одной школе, познакомилась я с ним три года назад в спортивном лагере. Мы были в одной маленькой компании, и я его не замечала тогда, так как на него "падала тень гения". В роли гения выступал Саша Пшеничный, который, хотя и был нашим ровесником, ему тоже было шестнадцать лет, но он казался таким взрослым, так много знал и так интересно рассказывал обо всем, что мы ходили за ним, как цыплята за наседкой. Он нас убедил в том, что ранний Маяковский — это совсем не то, что поздний, что Шекспира нужно читать в переводах Пастернака и, что с первого взгляда примитивные картины Гогена очень глубоки и даже драматичны. Саша занимался в студии Бориса Чичибабина, опального поэта, вынужденного днем зарабатывать себе на жизнь писарской работой в трамвайном управлении. А вечером он учил любознательных мальчиков не только писать стихи, отражая собственный взгляд на мир, но и всматриваться в то, что нам оставили другие талантливые люди. Я однажды его видела. Мы сидели за одним праздничным столом у его сестры, маминой подруги. Борис Алексеевич был не веселым, даже хмурым и молчаливым. Было видно, что ему скучно среди жующих лиц этих гостей и, что он знает что-то такое, чего не знают эти беззаботные пташки, счастливицы одного дня.

Когда закончился наш летний университет и вообще лето, и мы пошли осенью в девятый раз все в школу, я обратила внимание на Алика. Хотя мы с ним учились в разных классах, но часто сталкивались в коридорах, когда наши классы перетекали из одного кабинета в другой. Сначала я заметила его необычность. Он как-то не совсем вписывался в окружающую его школьную суету, как-то выпадал из общего рисунка. Как ель среди лиственных деревьев удивляет своим присутствием. Тоже дерево, но из другого леса.

Еще не успели опадать листья с деревьев, как я уже почувствовала, что влюблена в него, Влюблялась я вообще довольно часто. В детском саду я была влюблена в Женю за то, что у него был такой чудесный глиняный кувшинчик, который помещался в маленький карман. В пятом классе я была влюблена в Шекспира и считала, что раз он уже умер, то замуж мне уже выходить не за кого. Я даже была влюблена в своего дядю, который всего на пять лет старше меня, и очень веселый. Он умеет шевелить ушами и шелкать пальцами ног. Он работает в ленинградском Эрмитаже электриком и безуспешно пытается поступить в художественный институт, где для поступления нужны "связи". А какие у него могут быть "связи", если он хоть и ленинградец, но с восемнадцати лет сирота. Он пишет мне своим идеальным, художественным почерком, так, что каждая буква гордо красуется в своем слове, веселые и интересные письма. Он пишет: "Сударыня, твоей косичке не икалось"? Я думал о тебе, прочитав твое письмо. Ты у меня такая взбалмошная девчонка, что никаких глаз не хватит, чтобы уследить за тобой... Ты уже научилась танцевать венский вальс и настоящее аргентинское танго? Учти, рискуешь моим уважением... "Пепел и алмаз" ерунда по сравнению с "Закон и кулак", тоже Польша... Прочти Малфреда Грегора "Мост", Ирвинга Стоуна "Все люди враги". Обязательно Стейнбека "Зима тревоги нашей", Мысли!!! Поэзия учит смотреть и видеть. Проза — мыслить"... "Когда он попал в армейский стройбат, он веселых писем не писал. Что это за армия такая, когда без всякой войны у всех портится характер и здоровье. У моей одноклассницы Ольки брат пришел из армии хмурый и раздражительный, а был такой жизнерадостный. Не армия, а тюрьма всех народов какая-то. Еще я была влюблена в скульптора Житницкого, который в нашем музее проводил для желающих лекции по истории изобразительного искусства. Я была очень желающей (хотя точно не помню, каким ветром меня туда занесло), но я целый год ходила на эти лекции потому, что он рассказывал так интересно. Я задавала

столько вопросов, что он втянул меня в музейную работу вместе с другими почемучками. Но мне пришлось их спустя какое-то время покинуть потому, что Житницкий однажды на нашем сборище распорядился, чтобы я, как и остальные, провела по музею настоящую экскурсию. А я могу рассказать что-нибудь связно перед незнакомыми людьми, если их один, два, ну, три человека, но, когда передо мной толпа, мой язык меня не слушается. Меня потом встретили две барышни из нашей музейной группы и сказали: "А вот и наша пропажа..."

Но предыдущие влюбленности быстро и бесследно исчезали, а этот крокодил меня не отпускал. Я мысленно так нелирично прозвала его потому, что он носил зеленый костюм и был зубастым, то есть дерзким и беспощадным, когда того требовала справедливость. Он, например, осмелился нашей кровопийце-физичке сказать: "Эти ваши подлые списки..." У нее была особенная такая тетрадь, куда она против каждой фамилии рисовала какие-то закорючки за малейшую провинность и без объявления. Громко чихнул — закорючка, заговорил с соседом по парте — закорючка. Когда закорючек, по ее мнению, набиралось достаточно, она в журнал ставила двойку. Никто не знал, сколько у него этих штрафов, и за что у него новая двойка. На уроке у нее была гробовая тишина, но от этого знаний у нас не прибавлялось. Очевидно, одной тишины для учебы не достаточно, а рассказы ее о физике были такими путанными, что распутывать наши понятия об этом предмете перед экзаменами пришлось репетиторам. И лицо у нее всегда было неподвижным, как маска, а голос бесцветным и монотонным. В класс она не входила, а вкрадывалась, как небольшой плотоядный ящер. Мы от нее не слышали ни одной шутки, ни одного живого слова. Было очевидно, что она нас, своих учеников ненавидит, а заодно, возможно, и всех остальных людей тоже. Алику она невольно навредила еще и после школы, когда он сдавал вступительный экзамен на свой факультет, где был большой конкурс. Экзаменатор ему сказал: "Хоть вы и ответили на все вопросы, пять я вам не поставлю, так как с таким преподавателем, как у вас в школе, физику на отлично вы знать не можете".

Моим репетитором по физике была тоненькая, похожая на немножко состарившуюся девочку Ада. Она окончила университет и работала в каком-то НИИ. Жила она с мамой, тоже физиком, в маленьком деревянном домике на окраине города, я к ней долго-долго ехала в трамвае. Кроме роскошных фиалок на подоконниках все в доме было какое-то нищенское от глубокого презрения к мануфактурным игрушкам. Ада все свои деньги без сожаления тратила на приборы, которых ей не хватало на работе для исследования какой-то плазмы, о которой она мне с увлечением рассказывала. Но ее начальникам не понравилась ее активность, так как, по ее словам, в наше время в почете послушные бездельники и подхалимы. И вот, чтобы унять Адкин пыл, ее подкараулили на проходной, когда она вносила (!) свой собственный прибор и завели на нее дело в отделе борьбы с хищениями социалистической собственности. Теперь все это тянется и неизвестно, чем закончится.

Ада со своей мамой по очереди занимались со мной и моей одноклассницей. Они были похожи на двух одинаковых ученых кошечек, одна — помоложе, другая — постарше, умных, медлительных, с непостижимым выражением глаз. Они одинаково, сидя за столом во время занятий, верхнюю часть туловища уютно укладывали на стол, немного опираясь локтями, а после урока одинаково потягивались, отделяясь от стула. Ада говорила мне: "Зачем тебе эта химия? (имея в виду мои дальнейшие планы). Я однажды у нас в химлаборатории так надышалась всякой гадостью, что вышла потом на улицу и упала в снег. Иди на физический факультет, будет интересная! работа. Это Аллочка — дубочек, а у тебя голова варит". Мне поставили на экзамене пять, но физику я не люблю.

Физичка была одна такая неудачная учительница в нашей школе. Остальные были ничего себе, или отличные, как Евсей, Сема и Миша. Евсей Абрамович был нашим классным руководителем и учителем математики. Он ласково называл нас всех "деточки", даже когда деточки были уже выше его на две головы. Ставя двойку, он дружелюбно приговаривал: "Не плачьте, деточка. Чтобы это было самое большое горе в вашей жизни". Поправляя чью-то ошибку на доске, он говорил: "Это уравнение до войны решалось так..." Учил он нас терпеливо и усердно. Перед нами каждый день был образец добросовестности и скромности. Евсей никогда не повышал голоса, не говорил плохих слов, Если он сердился на нас, то переставал шутить и улыбаться, и мы уже чувствовали себя "не в своей тарелке". Даже у самых отпетых считалось позорным делом сердить Евсюху. Он так натренировал нас, что все сдали вступительные экзамены в институты благополучно. Мне на этом экзамене попались две довольно вредные экзаменаторши с одинаковыми улыбочками Червонной Кролевы, у которой приговор для всех уже вынесен — высшая мера. Они мне говорили: "Вот вы все отвечаете и решаете правильно, но ставить пять вам не хочется, вы математику не чувствуете". И они давали мне новые задачи в надежде, что я где-нибудь собоюсь, но все-таки поставили "отлично". Если бы я математику чувствовала, я бы поступала не на химический факультет, а на математический, но у меня совершенно другой склад ума, и эта пятерка — не мне, а моему учителю.

Я видела, как первого сентября симпатичная, нарядно одетая молодая женщина подвела к Евсею мальчика и, волнуясь, сказала: "Помните, я десять лет назад обещала привести вам своего сына? Вот он пришел к вам в школу в первый класс". Было видно, что Евсей очень тронут, но не помнит ее, ведь он был уже такой немолодой. Вообще он показался мне сначала ужасно некрасивым, такой лысый слоник с маленькими глазками. Но сейчас он мне кажется очень симпатичным, у него такая чудесная улыбка.

Самым ярким из учителей был, химик Семен Самойлович. Он, как веселый король, восседал на возвышении, на своей учительской сцене, откинувшись могучей спиной назад к спинке стула. Его раскатистый голос, размашистые движения приковывали внимание. Сообщал он нам химические новости

торжественно и с восторгом, как будто сам только недавно узнал об этом, или даже сам сделал это открытие. Его крупные четкие формулы на доске под звучание его голоса выглядели высеченными на камне письме — нами и запоминались легко и навсегда. Руки его были обычно раскинуты в стороны, как будто он хотел показать огромность чего-то, или всех объять. Он, и правда, часто сгребал нас в объятия, а все, о чем он говорил выглядело значительным. Часто новый материал он преподносил нам в шуточной форме. Например, чтобы нам не скучно было разбираться в том, как ведут себя газы при нагревании, он говорил так: "Однажды Юлечка Пестовская с Лидочкой Ланцевицкой в жаркий день решили выпить газированной водички. Они купили по стакану с вишневым сиропом и стали разговаривать. Они разговаривали долго. Вы же знаете, какие они болтушки. Потом они стали пить воду, но она почему-то стала невкусной. Почему, дети?" Или, объясняя, как ведут себя противоположно заряженные частицы, он брал за уши Зезюлю и Кузнецова и притягивал их головы друг к другу. Это было смешно и наглядно. Сема делал отступления от урока, рассказывая нам истории из своего детства, когда он в Одессе с другими мальчишками совершал налеты на виноградники, или ловил на отмелях крабов. Он рассказывал нам и анекдоты. И про глокую куздру, которая курдючит бокренка, мы услышали от него. Он давал нам несколько минут веселого отдыха и мы опять включались в химию. С этим предметом у нас тоже на экзаменах проблем не было. В конце урока Сема торжественно провозглашал: "А теперь задача "на соображанс"! Кто решит, тот будет король! Конкурсная университетская задача!" Все хваталась за эту задачу. Мне часто удавалось решить первой, не потому, что я была самая сообразительная. Мне хотелось оправдать звание любимой ученицы, а, если я очень захочу, я могу быстро решить самую трудную задачу, даже не слишком разбираясь в теории. У меня есть какая-то особенность, интуиция что ли. Я вчитываюсь в условие задачи так пристально, что как будто в ней растворяюсь, как будто попадаю в царство этих молекул и цифр, как будто бы в них превращаюсь и чувствую, как нужно их переставить, куда подвинуть, перемножить, поделить, чтобы найти ответ. Однажды, уже в институте, мне на самом трудном экзамене попала задача вообще с другого факультета, на материал, который мы не проходили, случайно попавшая в нашу колоду. Вы бы видели лицо нашего преподавателя, когда он увидел, что я решила эту задачу. А я просто представила себя этой железкой, на которую с разных сторон навалились разные крутящие моменты, вошла, так сказать, в образ и почувствовала, куда и как она будет гнуться. Я могу вживаться в образ не только предметов, но и людей. Я давно уже играю в одну игру: я долго смотрю на какого-нибудь человека, допустим моего собеседника, стараюсь в него мысленно превратиться. Я представляю себе, что у меня такие, как у него волосы, глаза, руки, одежда. Я всматриваюсь в него, отталкиваюсь мысленно от себя и как бы растворяюсь в нем. В результате я не то, что читаю его мысли, но как-то ощущаю его сущность и точно знаю, говорит он правду сейчас или нет. Таким образом я обнаружила, что искренних людей очень мало, в основном люди говорят не то, что думают, все кем-то притворяются, в общем ходят в масках. Я сама это придумала и так натренировалась, что уже автоматически испытываю всех. Во мне как будто завелся маленький колокольчик, который уже без моего ведома тренькает: фальш, фальш, фальш. А, когда он молчит, то такое наслаждение разговаривать с открытым человеком, мне даже кажется, что от него ко мне идут какие-то светлые волны.

Так вот, я вернусь к моим учителям. Семен вел уроки непринужденно и весело, в них не было монотонности, и мы не уставали. Он был учитель от Бога и личность. Еще одной колоритной фигурой в нашей школе был историк Михал Иваныч. С роскошными усами, веселыми глазами, этакий лихой кавалерист, играя указкой и похмыкивая, он как будто спешил только, чтобы рассказать нам пару историй о наших предках или иноземных чудаках. Он рассказывал красочно и увлекательно не только об истории. Он был еще и художник, и любитель литературы, так что темы наших с ним разговоров разнообразны. Хотя он держался несколько свысока, но мы чувствовали, что это только такая манера держаться, а на самом деле, он к нам хорошо относится и как бы говорит: "Вы пока что дурачки, но хорошие дурачки и когда-нибудь поумнеете". Своими интонациями, паузами и другими принадлежностями "джентельменского набора" оратора, не высказываясь прямо, он показывал нам свое, отличное от официального отношение к истории. Он учил нас читать между строк. Мы улавливали это и были с ним солидарны, так как у нас уже было свое собственное мировоззрение, собранное по крупинкам, которые еще не успели расклевать санитары наших мозгов, слуги наших властей.

Сама эта власть явила нам образец своей противоестественности и уродства в виде новой директрисы. Галину Кузьминичну Проценко, Г.К., как стали мы ее называть, спустили на наши головы с каких-то командных высот, так сказать, понизили в должности, когда мы уже учились в последнем классе. Эта тыква с арбузными семечками вместо глаз, с жиденькой гулей волос на широком затылке и в вечном полосатом шарфике на могучих плечах сразу же взялась за наведение своих порядков. На всех этажах появились красные флаги и бюсты вождя пролетариата. Газ запрещено девочкам сидеть за одной партой с мальчиками, и на вечерах танцевать современные танцы, такие, как твист и чарльстон. На физкультуре все должно было быть с длинным рукавчиком, под горлышко и до пят. "Дунаева, я бы на месте мальчиков повесила на тебе табличку "осторожно, окрашено" — говорила она на своем уроке, намекая на Иркины подкрашенные глаза. "Негреба",- обращалась она в другой раз к моей подруге Таньке, — "Твои родители — дармоеды. Нам не нужен профессиональный театр, его скоро вытеснит народная самодеятельность. «Вас всех в этой школе уже испортили. Из вас людей уже не получится, а вот из тех, кто в первом классе, я людей сделаю". Про учителей она сказала, что здесь собралась еврейская шайка, которую она разгонит. Начала она

с Михал Иваныча, который к этой национальности отношения не имел, но свое мнение о ее оригинальных воспитательных методах не скрывал. Как вы думаете, кого Г.К. выбрала себе в подруги и помощники? Конечно физичку. И еще одну такую же с собой привела, скользкую и вертлявую. "Три грации" — ехидно называла их еще одна моя подружка Санька. Она сидела на уроках за моей спиной, и после очередного перла Г.К. я слышала ее бормотание: "Таких надо в колыбели отстреливать из рогатки", "Это личико просит кирпичика", "Тупая, как сибирский валенок, и отец у нее футболист". Более бездарного учителя, чем Г.К., представить себе трудно. Она способна была только пересказать близко к тексту страницу учебника, и все наши усилия на ее уроках расходовались на борьбу со сном. Я заметила, чем человек бездарней, тем он партийней, и, чем партийней, тем бездарней. У нас в институте на первом курсе самые тупые и ленивые полезли на комсорги и старосты. К тому же у меня перед глазами моя тетя — инструктор областного комитета партии и ее коллеги.

Мы, конечно, видели и понимали все козни Г.К. в отношении наших учителей, эти унижительные проверки журналов и тетрадей, бестактные замечания, педсоветы с проработками. Евсея она заставляла бегать с нашего третьего этажа к ней на первый чуть ли ни каждую перемену, присылая за ним посыльных по пустяковым поводам. Мы присвоили ей название "осколок культа личности". Однажды она чуть ни лишилась своего трона. Родители учеников десятого "б" написали письмо о ее художествах в газету после вечера, на котором она отчитала приглашенных из военной академии самодеятельных артистов: балерину за то, что она машет голыми ногами перед школьниками, а вокалистов за песню с любовным содержанием. Мы с удовольствием рассказывали присланной из газеты журналистке о том как Г.К. превращает школу в нечто среднее между цирком и испанской инквизицией. Она все правильно поняла и написала о нашей директрисе разгромную статью, которая вскоре была напечатана в городской газете. В этот день в школе ощущался праздник. Мы запаслись газетами, и на каждой парте лежал экземпляр, раскрытый на нужной странице. Одну кто-то прикрепил на директорскую дверь. Г.К. пришла на свой урок наш класс с заплаканными глазами, но не сломленная. Она была непоколебимым авианосцем, и комиссия, которая была прислана к нам, как положено после критической статьи, была так ею заморочена, что она вышла сухой из воды. Когда мы спросили Евсея, почему так получилось, он сказал: "Не знаю, деточки, она развела на педсовете какую-то такую демагогию, что мы только удивленно хлопали глазами". Я уже давно заметила, что порядочные люди часто оказываются безоружными против подлых приемов. У них другие правила игры. Точнее, у них есть правила, а у тех их нет. Я тогда думала, как жаль, что я и Г.К. не мужчины и прошло время дуэлей. Хорошо было вызвать подлеца на честный поединок, если его нельзя унять по-другому. Г.К. продолжала хозяйничать в нашей школе и добилась, чтобы у журналистки были неприятности на работе. А у Андрея, комсорга школы, который на том педсовете честно свидетельствовал против Г.К., оказались в экзаменационном сочинении, хранившемся в ее сейфе, исправления другими чернилами и она приказала ему медали не давать, хотя он все годы был отличником. В нашем классе было одиннадцать человек с одной четверкой в аттестате, у всех по физике, нам она тоже не дала положенные в этом случае серебряные медали. Мы отнеслись к этому равнодушно и никак на это не отреагировали, хотя могли бы ради наших учителей пожаловаться на Г.К. куда-нибудь. Но, как говорит Санька, хорошая мысль приходит опосля, а деликатный Евсей постеснялся нам это подсказать. Хотя вряд ли это что-нибудь изменило в царстве несправедливости и абсурда. Когда я смотрела, как Г.К. расправляется с нашими учителями, я думала, раз я с этим поделаться ничего не могу, не могу вызвать ее на дуэль, я ее когда-нибудь опишу в рассказе и опишу своих учителей, если ничем больше я их не могу отблагодарить.

Мы эту школьную войну воспринимали драматично, но все-таки и веселились и влюблялись. Каждый влюбляется по-своему, и, наверно, это всегда интересно. Я, во-первых, заметила, что у меня теперь в любой день праздничное настроение. Но степень этой праздничности зависит от того, увидела я его сегодня или нет. На перемене я все время искала его глазами, но теперь я не могла с ним разговаривать, я начинала молоть какую-то чепуху. И смотреть на него прямо я тоже уже не могла, я об него обжигалась. Я могла только искоса скользнуть по нему взглядом, пролетая мимо, и этого уже было достаточно, чтобы что-то внутри меня вспыхнуло, как от притока кислорода. Переменилось все вокруг меня. Все стало ярче, звонче. Мне стало уютно жить на свете, как будто весь мир меня обнимает. Я ощущала тепло, которое исходило от деревьев, от домов, от дороги под ногами. Они стали моими: «Мы его знаем, он нам тоже нравится», - деревья шелестели мне листьями, тени исполняли вокруг меня свой вечерний танец, а дома именно мне посылали свой загадочный свет. Если вы спросите, что в нем такого особенного, я не смогу ответить, я не знаю. Но, если хотите, я соберусь с мыслями и попробую об этом что-нибудь сказать. Я обратила на него внимание, заметив его необычную отважность, честность и взрослость. У него была странная манера говорить; он говорил медленно, взвешенно, как будто отвечал перед кем-то за каждое свое слово. Он не был веселым, как будто предчувствовал, что с такой четностью и смелостью в этой точке земного шара и на этом отрезке времени человеку уготована участь мученика, и где-то его поджидает стена, о которую он разобьет свой ясный лоб, если у него не окажется какого-нибудь чудесного ангела-хранителя. Среди моих знакомых не он один был смелым и честным, но в нем было что-то еще, какой-то свет, который я улавливала. Когда я смотрю на осеннее дерево клена, листья которого уже золотые и легкие, готовые слететь, я люблюсь его торжественным и чистым сиянием, и мне кажется, что это дерево похоже на Алика.

В десятом классе я заметила, что он подрос и у него изменилось лицо. Теперь о нем можно сказать, что это высокий, красивый юноша. Но мне эта перемена кажется чем-то лишним. У него и так было хорошее

лицо. Мужчине лучше иметь обыкновенную внешность, свое лицо он должен делать сам. Ум, смелость, доброта проявляются в чертах и придают лицу настоящую мужскую красоту, а особенности характера делают его неповторимым. К красавцам я отношусь с недоверием. Они так много времени и энергии тратят на любовные похождения, что на главные дела у них остается мало, и они становятся не интересными.

Несмотря на множество новых впечатлений в последний школьный год я по-прежнему замирала, услышав его голос, или заметив его теперь уже коричневый костюм в школьном коридоре. Я не мечтаю о романе с ним. Об этом я просто не думаю. Какой может быть роман, если он даже не смотрит в мою сторону. Я только хочу всегда его видеть. Я даже не знаю, как правильно назвать чувство, которое он во мне вызывает. Я же не могу сказать, что я влюблена в собор ленинградского Смольного монастыря, от которого я не могла оторвать глаз. Эта башня стоит запрокинув голову в облака и своим совершенством как будто зовет за собой туда ввысь. Или, что я влюблена в греческие скульптуры, которые тоже меня в этом городе околдовали. Я смотрела на мальчика на дельфине, линии которого так красивы, так плавны, что мне казалось, будто я, став воздухом струюсь по прохладным мраморным изгибам.

Я слоняюсь по музеям и театрам в то время, как мои подруги добросовестно учатся. Я уже говорила, что у меня их целых пять, когда одной такой было бы для счастья достаточно. С Лидкой, Веркой и Ленкой мы учились вместе в начальной школе, а потом с Веркой, Санькой и Танькой я училась уже в другой обыкновенной школе, а Ленка и Лидка в специализированных. Все вместе мы встречаемся не часто. Я в какой-то степени связующее звено между ними, так как у меня больше свободного времени, и мне не нужен подъемный кран, чтобы выйти из дому. Но, когда мы собираемся все вместе—это такой фейерверк. Веселье начинается с порога, как только мы завидим друг друга, и продолжаться оно может очень долго. В конце концов нас можно увидеть валяющимися на ковре или диване и икающими от смеха. Мы можем петь, плясать, наряжаться в кого-нибудь и разрисовывать друг друга, в общем — впадаем в первобытное состояние. Песни в нашем репертуаре хулиганские, такие, например, как "На морском песочке я Маруську встретил", или просто смешные, как "Я тебя в сиреновом платочке целовал в сиреневые щечки". Исполняем мы их с большим чувством и даже со страстью. Мы знаем так много этих песен, я даже не понимаю, откуда они набираются, но они как-то моментально запоминаются. Нам хорошо вместе, нам весело и интересно. К тому же это настоящая женская дружба по типу "настоящая мужская", выкристаллизовавшаяся за годы сидения за одной партой, игры в одни "классики" и бесконечных обменов впечатлениями. Мы так совпадали, что между нами не было ни то что ссоры, но просто тени недоразумения. Мы доверяли друг другу, но мы были и судьями друг другу. У нас был какой-то свой негласный кодекс чести, переступив невидимые границы которого, можно было выпасть из этого круга доверия. С моими подругами в разведку я бы пошла. Я, правда, не представляю себе ползущей по-пластунски Ленку, ее я вижу в основном за роялем или чайным столом. Верку тоже представить трудно, потом поймете почему. Но вот Лидку, Саньку и Таньку я очень даже представляю с медицинскими сумками через плечо где-то рядом с окопами, так как я уже ходила с ними в походы и заплывала за буйки на море.

Я так люблю своих подруг, я без них скушаю, я от них получаю какое-то вдохновение. Но, я думаю, что и Лидку не так подсушивает ее математика благодаря моим романтическим побасенкам, а, когда Ленка играет на своем черном звере, с ней немножко играю и я, ведь она напичкана моими рассказами о моих путешествиях и приключениях. Верку я всегда готова выручить из мелких бед, в которые она вечно влипает и составить ей компанию на любое мероприятие. Саньку я вытаскиваю на свет божий из ее норы. А Таньке мы вместе с Санькой тайные поверенные ее души. А еще я для Таньки с Санькой — подопытный кролик. Однажды Танькина мама вошла на кухню и увидела, что мы с Негребой режем. Я — от того, что мне больно, а она от того, что ей меня жалко. На моей руке угрожающе разрастался синяк от глюкозы, которая попала не в вену, куда ее впрыскивала Танька, а под кожу, и жжется, как самый злой горчичник. Ирина Васильевна, конечно, стала темпераментно отчитывать свою дочь: "Ненормальная! Она на кухне делает внутривенный укол! Это же почти операция! Юлька, ты с этой дурой больше не дружи, приходи только ко мне".

Так вот, мы с подругами встречаемся редко потому, что они в отличие от меня прилежные студентки, которым кажется, что если они чего-нибудь не выучат, произойдет какая-нибудь катастрофа. А я без угрызений совести прогуливаю половину лекций, а потом сдаю экзамены по чужим конспектам. Дело в том, что у меня нет цели в жизни, я не знаю, кем я хочу быть. Мне нравится ботаника, я люблю растения и разбираюсь в них, но мне сказали, что после нашего биофака можно стать только учителем, а в другом городе я учиться не хочу.

Одни только названия предметов, которые я должна изучить на моем факультете — чего стоят: сопротивление материалов, теория машин и механизмов, теоретическая механика... Ну, разве можно не превратиться в железку, выучив все это. А у меня вообще с техникой подозрительные отношения. Ключ у меня так и норовит застрять в замке? если прибор какой-нибудь, вроде угога, собрался перегореть, то он дождется, чтобы именно я взяла его в руки. Вы спросите, почему я тогда поступила в этот институт. Ответу, был приказ по квартире. Моя мама послушала Евсея, который сказал: "...Только технический вуз, она вполне справляется с задачами. "Это, чтобы я потом не получала, сидя в какой-нибудь конторе, такую же мизерную зарплату, как он. И послушала Семена, который сказал: "Только химия!" Мама это синтезировала в химико-технологический факультет, а, когда я стала возражать, что хочу что-нибудь гуманитарное, она ответила: "Только через мой труп! Посмотри, как они потом не могут себе работу найти по специальности". Во мне самой не было уверенности и определенности, и я решила, что потом переведусь на какой-нибудь

другой факультет. К тому же, чтобы поступить на более привлекательный для меня факультет нужно продемонстрировать "связи", так как там все места распределяются между дочерьми больших начальников, а мой папа маленький начальник, к тому же ему легче застрелиться, чем кому-то поклониться. Моим подружкам Таньке и Саньке удалось пробиться в мединститут, где тоже всегда конкурс между детьми торговых и руководящих работников (понятно, какие из них потом получатся врачи). Но они точно знали, что это их призвание и так фанатично готовились к экзаменам, при этом имея хорошую голову на плечах и хорошую школьную подготовку, что завалить их, наверно, было невозможно и они попали в тот небольшой процент студентов, которые в медицину пришли своими ногами, а не на протезах.

Танька и Санька просидели все десять лет за одной партой. Я не знаю, как они выглядели раньше, в своей первой школе, но сейчас это такая забавная парочка: крупная и роскошная, как ренуаровская модель, Танька и маленькая и хрупкая с огромными глазами Санька. Первая — восторженная и порывистая, вторая — спокойная и сдержанная. Командует всегда Санька, а Танька беспрекословно подчиняется. Врачами они решили стать, посмотрев замечательный спектакль "Коллеги" в нашем драматическом театре, где играли танькины родители. У них такая "большая" зарплата, что танькиной маме приходится по вечерам штыркать какой-то железкой чулки своих приятельниц, поднимать петли, по рублю за штуку. Но об этом трудно догадаться, так как Ирина Васильевна умудряется покупать всем своим на гастролях дешевую, но модную и красивую одежду и привезла из Прибалтики недорогую мебель. И для гостей у нее всегда есть угощение. Удивительно, как в ней все совмещается. Она и образцовая хозяйка, у которой все в доме блестит и мудрая мать, у которой с детьми всегда отличные отношения, и красавица с глазами Жанны Самари и творческая натура с такими эмоциональными всплесками, что кажется будто они, отражаясь от стен накатывают на вас снова и снова. Она набрасывается на меня еще в прихожей и кричит в глубину квартиры "Танька, посмотри, кто пришел! Иди посмотри, какое у нее красивое платье! Пестовская, я так тебя люблю, приходи ко мне, а не к этой противной Таньке. Танька, уйди, сначала я с ней буду разговаривать. Пестовская, ну, как ты, ну, что ты? Иди, я тут глажу, а ты мне все будешь рассказывать". Так бурно Ирина Васильевна встречает всех танькиных и своих друзей. И не подумайте, что это актерские штучки. Это все вполне искренне, ее хватает на то, чтобы всех любить и всем интересоваться.

Когда танькины родители уезжают летом на гастроли, мы втроем, я, Танька и Санька устраиваем у них девичьи посиделки. Мы гоняем чай с танькиными фирменными сэндвичами, хрустящими и душистыми, болтаем и дурачимся, читаем вслух и слушаем музыку. Так незаметно проходит ночь, что засыпаем мы под утро на белоснежных отутюженных простынях, гордости этого дома. Танька, наверно, будет хорошей домашней хозяйкой, она, как и ее мама делает всю домашнюю работу с любовью и основательностью, что по-моему большая редкость. Это самый уютный дом из всех, которые я знаю, и только здесь бывает такая атмосфера радостного покоя, когда кажется, что время остановилось и терпеливо ожидает, когда мы навеселимся и наговоримся вроде бы о пустяках, но все же сверяя свои внутренние компасы.

Прошлым летом, сдав вступительные экзамены, мы втроем отправились на две недели к Черному морю. Мы выбрали дом, похожий на белую двухпалубную яхту среди мандариновых деревьев, и не ошиблись. Дом оказался гостеприимным и удобным. Наша хозяйка, грузинка, была не очень молодой, но веселой, как птичка. С утра она с песенками уже порхала по своему живописному двору, наводя порядок. Танька просыпалась раньше меня и Саньки и успевала до того, как мы встанем, принести с базара овощи и сыр. Пока мы с Санькой умывались у собственного хозяйкиного родника, она готовила замечательный завтрак, за которым мы усаживались под гигантским деревом хурмы. Ужинали мы тоже в саду, и наша хозяйка Марго, освободившись от дневных хлопот, ставила перед нами блюдо с фруктами и усаживалась рядом с нами. Она, как Шахерезада, рассказывала нам свои бесконечные истории, считая их поучительными, а мы с интересом слушали. Она говорила:

- "Дэвочки, не выходите замуж за интеллигентов, они не берут взяток. Моя бедная дочь вышла за такого, а разве сейчас можно прожить на одну зарплату (и называла довольно внушительную по нашим понятиям цифру)?"— А ведь моя бедная дочь привыкла к роскоши. Мой муж был начальник рыбных промыслов Грузии, у нас было два особняка: здесь, в Гаграх и в Тбилиси. В них были такие высокие потолки, что нам приходилось нанимать рабочих, чтобы повесить шторы. Муж мне не разрешал ходить пешком, я даже к соседке ездила на автомобиле. Мы летали в Москву вечером на спектакль и обратно. Когда моя дочь, поплавав, выходила из бассейна, ее уже поджидала горничная с готовым платьем. Но кто-то захотел себе место моего мужа. Его посадили в тюрьму и мы с дочерью стали все продавать, чтобы его оттуда выкупить. Мы ничего не умели, и нас обманывали, за наши бриллианты, скупщик дал совсем мало денег. Мы все же освободили моего мужа, но он уже там заболел и скоро умер. А сейчас моя дочь должна работать, у нее же трое детей, и за все надо платить: учителю музыки плати, за фигурное катание плати, чтобы в больнице укол сделали, плати. Здесь недалеко живет один врач, так он столько денег брал, что ему бомбу подложили. Правильно сделали! Работа, правда, у моей дочери хорошая. Она работает в министерстве у Шеварнадзе. Он настоящий грузин, патриот, не то, что до него были. Один целую аллею буков вырубил в парке себе на мебель и хотел отдать Нине Петровне Хрущевой туфельки царицы Тамары. Она в музее сказала, что ей очень нравятся эти туфельки. А у нас обычай, что гостю понравилось, он получает в подарок. Этот ей их сразу же и отдал. А Шеварнадзе не побоялся потом к ней в самолете подойти, когда они уже улетали, и сказать, что эти туфельки национальная реликвия, и они должны остаться в Грузии. Нина Петровна все поняла и туфельки вернулись в музей. Он в своем министерстве выгнал всех,

кто носил контрабандные часы. Вошел однажды и спросил, который час. Все стали смотреть на свои часы, и у кого он увидел контрабандные — уволил. Его все время пытаются подкупить. Он взятки берет и целыми мешками сдает в банк. Он не побоялся арестовать братьев Лиселиани, у них была целая комната, забитая деньгами. На него были покушения, убили его водителя, и даже украли его мальчика. Но он выступил тогда по нашему телевидению и сказал, что никто не помешает ему в его делах. Они испугались и мальчика вернули. Все телохранители у него — родственники ему, он им доверяет. У нас в Грузии родственники не предадут.

— Дзвочки, детей нужно баловать. Я свою дочь баловала, а вы откройте ее шкаф и посмотрите, какой ровной стопочкой лежит там отглаженное белье. У нее трое детей и нет служанки и никто ей не помогает. Я все время здесь, а ее свекровь такая важная, приходит только в гости. Наденет свою шляпку, сядет на стул и сидит так весь вечер, поджав губы.

— Дзвочки, выходите замуж за такого, как мой племянник Гиви. Он нигде не работает, только ездит целый день туда — сюда, но денег у него столько, что он собирается ехать за границу, чтобы, если спросят, откуда деньги, ответить, что привез оттуда. У его жены, этой противной мегрелки, четыре набора бриллиантовых украшений и столько платьев, что она каждый день может надевать новое. Она так обленилась, что обед не готовит, и они едят в ресторане, и детей она не хочет.

Мы однажды увидели этого Гиви. Он приехал помочь тетушке встретить гостей. Суетились они с самого утра. Сначала привезли с рынка целую гору всякой снеди, затем Гиви, засучив рукава, колдовал у плиты, а Марго была у него на подхвате. Кухня располагалась в гроте под нашим балконом и мы удивлялись, что мы уходим на пляж, приходим с пляжа, а они все носятся вокруг кухни. По нашим представлениям на столе еды было на дюжину гостей, не меньше, а оказалось, что ждали всего пару молодоженов, дальних родственников. Молодожены были немолоды. Дама была странно одета, в каких-то немыслимых фиолетовых чулках в такую жару. Марго потом нам рассказывала, что ее родители долго отказывали этому жениху, надеясь на лучшую партию, но все-таки потом уступили и дали в приданое за ней черную "волгу", мечту всех грузинских мужчин. Мы решили, что такую несимпатичную особу без черной "волги" замуж выдать было трудно. Веселый этот пир длился до глубокой ночи. Они так замечательно пели, что казалось, за столом не четверо любителей, а целый народный хор. Когда мы уезжали, Марго нам устроила прощальный ужин. Она запекла в духовке баранину с баклажанами и перцами и подала это на стол на большом блюде. Было так красиво и вкусно, что мы объелись и потом в поезде икали, наверно, потому, что не запивали вином.

Там, в Гаграх, был случай, когда Танька кидалась спасать человека, а мы с Санькой не давали ей, повиснув на ней, как две моськи. Эта история закончилась благополучно, поэтому можно ее назвать забавной. Было это на медицинском пляже, куда мы повадились ходить, убедившись, что купаться голышом намного приятнее, а на обилие голых попок можно не обращать внимания. Некоторые, наоборот, считали это зрелище привлекательным. Это были граждане с соседнего мужского пляжа, один или два из которых занимали с утра позицию там, где забор уже кончился, а море еще не совсем началось. Они делали вид, что любуются горизонтом, а сами одним глазом косились в сторону дамского пляжа. Поэтому все, кто помоложе, у нас располагались как можно дальше от этой стены и зрителей. Вот, однажды при штормовой погоде перед нашим пляжем стала тонуть женщина. Никто не знал, откуда она взялась, так как на нашем пляже не было безумцев, захотевших бы искупаться при волне высотой с дом. Можете себе представить, как выглядит пляж, по которому носятся косяками десятки голых женщин между будкой дежурных и морским прибором. А спасателей, конечно, на месте нет. Утопающая с бледным лицом звала на помощь, народ волновался, наша Танька рвалась у нас из рук в сторону моря с воплями, что она, как будущий врач не может смотреть равнодушно, как тонет человек и лучше утонет вместе с ней. Наконец, со стороны мужского пляжа к бедняжке поплыли трое мужчин со спасательными кругами. Они все долго боролись с прибором, и вся публика на нашем пляже, включая нас, исстрадавшаяся, глядя на козьи волн. На забор постепенно взгромоздилась половина мужского пляжа и с одинаковым интересом наблюдала как за происходящим в море, так и за дамами, забывшими в суматохе надеть купальники. Когда жертву стихии и собственного легкомыслия все же доставили на берег в относительной целостности, публика реагировала бурно и неожиданно. Женщины накинулись на нее с каким-то испуганным видом, и каждой хотелось до нее дотянуться и шлепнуть, так что ее постарались скорее увести с пляжа.

Я тоже однажды собралась совершить героический поступок. Месяца два назад я возвращалась из института довольно поздно, во всяком случае уже было темно и безлюдно. Я услышала, как от окна на втором этаже какого-то старого дома доносятся призывы о помощи, и увидела женский силуэт, который за занавеской тянулся к форточке. Я остановилась, голос продолжал жалобно сигнализировать в форточку. И почувствовала, что, хотя это безрассудство и пользы от меня там не будет никакой скорее всего, я туда сейчас пойду, так как сила, которая меня удерживает, слабее силы, которая меня туда толкает. Тут рядом со мной возник еще один прохожий и тоже раздраемый противоречивыми чувствами. Мы с ним все же вошли в зловещий подъезд и стали медленно подниматься по скрипучей лестнице, я впереди, он сзади. Когда мы в той же последовательности вошли в незапертую дверь, увидели в полутемной комнате двух людей в белых халатах. Это были молодые врач и медсестра, они здесь дежурили и так баловались. Остальной путь домой я шла наполненная гордостью, что не струсилась. Я, наверно, в папу. Про него уж точно не скажешь, что он трус. Он однажды в трамвае спокойно подошел к разбушевавшемуся хулигану и выбросил его за дверь.

Вообще, в нем есть удаль и гусарство. Он гоняет на своей машине, как на лихом коне. Он поет и танцует. Гостей в

любой праздник у нас столько, что одна из комнат превращается в гардероб, и стены подрагивают в такт веселью. Рядом с мамиными угощениями на столе стоят кувшины с папиными наливками, но я никогда в жизни не видела его пьяным. Все женщины в папу влюбляются. Мама однажды утром сидела в нашей парикмахерской и услышала, как мастерица сказала своей приятельнице: "Скорее посмотри в окно, вот идет мужчина, которым мы каждое утро любимся". Мама с любопытством вытянула шею в сторону окна и увидела нашего папу. Я иногда слышу, как папа по телефону любезничает со своими птичками, но я его не выдаю. Я знаю, что мой папа не способен на плохие, некрасивые поступки. У него легкий характер и он достаточно умный, чтобы на превращать свою жизнь в драматическое метание между женщинами, как в советских фильмах. В итальянском и французском кино любовь приносит людям радость, а в наших — одни хождения по мукам. Я не приветствую супружеские измены, но и не осуждаю их. Ведь человек может и ошибиться женясь, и, что же ему теперь никогда нельзя немножко влюбиться? Главное, не терять голову и не драматизировать, если ты уже окольцованная птица. Судя по тому, что у папы всегда хорошее настроение и хороший аппетит, он все делает правильно. Ему, что ни дай, он все съест, я ни разу не слышала, чтобы он был не доволен обедом, или еще чем-нибудь. Вы бы видели, какой чудесный домик он построил на даче своими руками. Домик хоть и маленький, всего одна комната, но под крышей есть еще спальная каюта, есть увитые виноградом веранда и беседка. Виноград, если лето жаркое, вызревает, его собирают корзинами и делают вино. Перед домом — розы, одна красивее другой, а с площадки на крыше видны зеленые склоны горы и окраины города, растекшиеся у ее подножья.

Папа очень везучий. Он в восемнадцать лет попал на войну и не получил ни одного ранения, хотя побывал везде. В основном он был связистом и ездил в танке. Однажды они под обстрелом ехали по бахче, хотелось пить, и ему сказали: "Рудик, сбегай за арбузом" (бабушка назвала его Рудольфом, так как тогда были в моде иностранные имена, хорошо, что не Адольфом, но все равно, ему потом всегда при поступлении на работу приходилось доказывать, что он к немецкой или еврейской национальности отношения не имеет). Так вот, когда он с арбузом приполз обратно, танка уже не было, на его месте была только воронка. В другой раз он ехал в танке один и чуть ни попал в плен к немцам, когда осколок пробил бочонок с медом, который он где-то раздобыл, и медом залило мотор. (Он и сейчас сладкоежка). Еще был случай, когда он чуть ни попал под трибунал, утопив танк. Его упростили киношники отбуксировать их грузовик через реку, но река оказалась слишком глубокой. Однажды за ним персонально гонялся немецкий самолет. Папа бежал через поле, а тот развернется и налетит, развернется и опять стреляет. Папа успел добежать до леса, но все же последний снаряд разорвался близко и его контузило. Он довольно долго пролежал в снегу, и теперь у него ревматизм, но он на это не обращает внимания. Я играла треугольниками писем, которые он бабушке присылал с фронта, их было много. В одном он написал: "Мы сейчас живем в имени Льва Толстого..." Бабушка помчалась из своего Александрова в Ясную Поляну, нашла папу, подкормила его, но его чуть не арестовали за то, что он разглашает расположение частей. На войне папа не только нарушал дисциплину, он получил много наград. Я смотрю на него и думаю, как это ему удастся быть с прямой спиной, когда все гнутя. В наше время вообще невозможно быть настоящим мужчиной. Нужно кланяться слесарю, чтобы заменил трубу, и продавцу, чтобы вынул из-под прилавка нужную книгу, и начальнику, чтобы получить свою законную квартиру. Многие делают это с фигой в кармане, но от этого не намного легче. Папе удастся жить как бы вне этого времени с его мелочной суетой и унижающей атмосферой. Наверно, дело в том, что у него была какая-то живая природная интуиция, не заглушенная цивилизацией. В детстве он лазал по деревьям, собирая для коллекции птичьи яйца. Так и остался навсегда в душе мальчишкой среди зеленых ветвей.

Папа хотел назвать меня Тamarой, но дедушка сказал: "Только Юля". Я не знаю, почему он выбрал это имя. Бабушку, которая была его сбывшейся мечтой, звали иначе. Я была единственным ребенком, которого дед воспитывал. Папу они с бабушкой сдали в Александров своим родителям, а сами разъезжали по дедушкиным стройкам, так он там и вырос. Входя в дом, дед сразу глазами отыскивал меня, зная, что я уже где-нибудь здесь кручусь. Он доставал из кармана маленькую бутылочку со сливками или другое лакомство дня меня. Он брал меня на работу на свои стройки в нашем городе, где он, наконец, осел. И, когда он сидел за рабочим столом дома, я устраивалась рядом и тихо, как мышка, наблюдала его манипуляции с логарифмической линейкой. Из командировки он привозил мне особенные московские леденцы, похожие на маленькие расписные пенечки и платя, которые я доставала из промерзшего чемодана и торопливо примеряла холодящие оборочки и рюшечки. Дед говорил, что я буду балериной и должна учиться музыке. Если бы он не умер так внезапно рано, возможно, моя жизнь была бы такой же определенной, как у Lenки. Я бы с утра до ночи сидела за инструментом или отработывала у станка батман фондю, и не было бы в ней такого славного беспорядка.

Когда дедушки не стало, мама сказала, что не надо никаких балетных школ, это адская работа, в которой нужна особая выносливость. А я как раз очень выносливая. Я и по тропинкам в горах взбираюсь легче, чем настоящие спортсмены и плыть могу сколько угодно. Однажды я загорала на берегу большого озера, и со мной стал любезничать один молодец. Когда он стал приглашать прогуляться по берегу, я предложила перенести прогулку на противоположный берег. На середине озера он перестал улыбаться и повернул обратно, а я спокойно доплыла.

Плавание — это второе мое любимое занятие после чтения. Когда я погружаюсь в воду, то ощущаю щенячий восторг. Меня тянет плыть все дальше и дальше, и, чем меньше становится берег, тем сильнее ощущение великолепного одиночества. Не сиротского унылого, а одиночества хозяина мира. Как будто я одна с этой водой, с этим небом, с этим берегом вдаль, и во всем этом покой и благодать. Так меня притягивают дали, что я никак не могу повернуть назад, пока не увижу, что обратное расстояние на пределе моих возможностей, но я всегда доплываю. Я так завидую людям, живущим у моря или у большой реки!

Еще я очень люблю ходить. Когда я дома, у меня состояние застоявшегося коня, и меня тянет на волю. Я с удовольствием выполняю все мамины поручения, связанные с хождением по городу. У меня есть любимые маршруты, и я не сажусь в трамвай даже, если нужно попасть на другой конец старой части города, по микрорайонам гулять, конечно, не интересно. Мои ноги никогда не устают, чем больше они в пути, тем лучше они себя чувствуют. Я вполне могла бы гарцевать по сцене на пуантах хоть три часа, и мои ноги меня бы не подвели.

Я вывожу погулять моих подружек, когда им придет в голову подышать свежим воздухом, днем и ранним вечером, а поздним вечером я уже с месяц прогуливаюсь с одним студентом из мединститута, Мишей. Он довольно нудный, вертит все время головой, высматривая знакомых и так влюблен в себя, что смотрится в каждое попадающееся зеркало. Я его терплю, как охрану, раз уж навязался. Познакомилась я с ним на одной вечеринке, куда мы должны были пойти вдвоем с Веркой, но она вывихнула ногу, а я все-таки пошла. Миша вился вокруг меня весь вечер, а потом напился и отключился. Утром он все вспомнил и начал мне каждый день названивать. Однажды ему удалось выманить меня из дома, сказав, что у него есть билеты на концерт Махмуда Эсембаева. Мне хотелось посмотреть, как он танцует, для него даже переделывали пол в концертном зале. Оказалось, что билетов нет. Но он так забавно выкручивался, что я не рассердилась на него, и теперь он три раза в неделю встречает меня после концерта в филармонии. Миша живет здесь неподалеку и, выучив свои уроки, заходит за мной. Внутри он не рвется, так как музыкой не интересуется. По-моему он ничем не интересуется, кроме своей внешности. У него в одежде так тщательно подобраны цвета. А мне нравится, когда на мужчине какая-то там рубашка, какой-то там костюм, ну, конечно, не серо-буро-малиновый. Мы с ним бредем по Сумской вниз к кремлю, минуя ресторан "Люкс", в котором коротают вечера некоторые непризнанные поэты. Мне кажется, что нужно иметь очень бедную фантазию и извращенный вкус, чтобы быть завсегдатаем таких мест. Я там была на одной свадьбе, и, кроме противного запаха еды и расплывающихся в табачном дыму физиономий ничего не увидела.

Мишины разговоры ни о чем не раздражают. Я слушаю его, как радио, которое включаю, чтобы что-то гудело, а сама читаю, или думаю о своем. Мне нравится гулять по ночному городу, прислушиваться к его тишине, вдыхать весеннюю свежесть. В нашем городе весна пахнет также волнующе, как в деревне, так как здесь много парков и садилов и на улицах нет пыли, их моют. Я иду и думаю, что, если бы рядом со мной плыла тень другого человека, я была бы счастлива, но не заметила бы прелести этого вечера, загадочности притихших улиц. Я была бы поглощена только им. Не было бы ни подруг, ни путешествий. Была бы только раскаленная пустыня любви с оазисом по имени Алик. Вы скажете, что это слишком смелое высказывание для юного существа. Но вы забыли, что я уже в пятом классе прочитала всего Шекспира и вообще проглотила столько книг, что если бы я все запомнила, то стала академиком, но у меня не очень хорошая память, и от книги вскоре остается только общее впечатление, но каждую я пропускаю через сердце, и каждая меня немного меняет. Иногда мне кажется, что я прожила уже сто лет, и вижу насквозь всех и себя.

Этот Миша не такой романтик, чтобы прогуливаться со мной не имея никакой надежды на взаимность, и я думаю, что наши прогулки скоро прекратятся, да и мне в конце концов надоест слушать всякие банальности, что я, там, девушка его мечты и, что с ним у меня будет какая-то особенно красивая жизнь. Он надеется меня приманить разговорами о том, что у него в Париже есть дядя, врач, который возьмет Мишу к себе, когда тот окончит учиться, Зачем мне Монмартр и Лувр, если в моем городе, где есть ОН, каждый дом — дворец и каждое дерево как будто написано гениальным художником. Но все-таки одна польза Мише от меня...есть. Он стал заниматься спортом, играет теперь в футбол после одного своего конфуза. Мы с ним как-то забрели на пустырь с оврагом, через который нужно было перейти по узкой трубе. Я перебежала по ней легко, а Миша шел со страхом, и заметил, что мне смешно смотреть на его муки. Юноши, занимайтесь спортом! Вдруг ваши девушки поведут вас гулять по неудобьям.

Вчера меня гипнотизировал своим взглядом Миша, а сегодня я буду во все глаза смотреть на Алика на нашем вечере встречи выпускников. Я два часа сижу перед зеркалом, делаю свою любимую прическу из длинных прядей, замысловатую, как у девушек в сказках Гофмана, делаю идеальный маникюр и надеваю чудесные туфли, о которых нужно сказать отдельно. Это маленький шедевр обувного мастерства, занесенный каким-то ветром сюда с Британских островов. Кроме того, что эти туфельки мягкие, легкие и хотя на каблучке, такие удобные, что не чувствуются на ноге, они еще очень красивые и универсальные. Я их называю полубальными потому, что их можно надеть в любом случае. Их матовая черная кожа придает им повседневный вид, а очень тоненькая лаковая полоска спереди позволяет им быть и нарядными. К тому же они пропитаны чем-то с запахом сандалового дерева, и от чулок после них исходит тонкий аромат, хоть стирай их сто раз. Эти туфли мне пришлось надеть и на выпускной вечер, белых в магазинах не нашлось. У меня было чудесное платье, произведение Александры Архиповны. Мама достала из сундука бабушкин крепдешин и сказала: "Сошьем из этого". Это была не модная ткань, и я растерялась, не зная как лучше

сшить. Но Александра Архиповна сказала: "Доверься мне, я люблю этот материал, все придумаю сама и платье будет хорошим". Я наблюдала, на примерках. как из равнодушного куска шелка выклеивается что-то необыкновенное. Мягким складкам юбки она не дала зависнуть, уплотнив их понизу широкой отстроченной полосой. Эта оригинальная юбка колокольчиком и легкий пояс-кушак делали платье очень нарядным. Когда я спустилась в нем перед вечером к моей подруге Лидке на ее второй этаж со своего третьего, ее ироничная старшая сестра, которая нас всегда высмеивала и называла "две дурочки", увидев мое платье сказала: "Фея, настоящая фея". Прически нам с Веркой делал ее знакомый какой-то особенный мастер, но я бы не сказала, что получилось лучше, чем я делаю обычно сама, только было больше парадного глянца. Вообще женщины, которые причесываются в парикмахерской, похожи на немецких кукол, поэтому я в парикмахерскую ходить не люблю. Перед выпускным вечером мы, девчонки, конечно, с интересом рассматривали друг друга. Веркино платье, по-моему, было самым красивым. Ее Евдокия Петровна, тоже мастерица старинной выучки к изящному, но очень простому крою добавила только нарядный воротник. Он был из той же ткани, но выстрочен какими-то выпуклыми квадратами и лежал на плечах, как мантия, напоминая о каком-нибудь торжественном средневековье. Верка, не заплаканная, аккуратно причесанная в этом платье была такой красивой, что, если я выглядела безродной феей, то она была версальской принцессой.

Я даже не помню точно, что было на нашем выпускном вечере, ведь я смотрела в одну точку, так как вдруг поняла, что я буду теперь видеть Алика очень редко. Я участвовала в празднике автоматически. Всю ночь здесь происходило какое-то веселье, мы много танцевали, но Алик не танцевал совсем, хотя он умеет. Однажды он танцевал со мной на вечеринке. Это было в один праздничный день, когда мы с Лидкой, Веркой и Ленкой прогуливались после демонстрации трудящихся возле ленкиного дома и встретились с компанией мальчишек, в которой были Алик и наш летний проповедник Саша. Ленка пригласила всех к себе, ее мама поставила на стол угощенной мы провеселились до ночи в большой гостиной между роялем с китайскими вазами и портретом Владимира Ильича над папиным письменным столом. Моих трех подруг было бы достаточно для бурного веселья (я, как понимаете, в этот вечер была "не в ударе"), но мальчишки были еще веселее и находчивее. С Аликом и Сашей был их новый приятель, из которого одесские анекдоты и хохмы сыпались, как из новогоднего мешка подарка. Под занавес он начал Верке, правильно избрав жертву, рассказывать, что он хочет продать один редкий купальник. Все, кроме нее, поняли, что здесь какой-то подвох, так как он не был похож на человека, торгующего купальниками. Но доверчивая и очень неравнодушная к модной одежде Верка пошла на приманку и замерла в охотничьей стойке. Мы уже хрюкали от смеха, когда этот Вадик подробно и красочно описывал рисунок и фасон этого изделия со всеми его оттенками, складочками и застежечками. Только, когда он в заключение добавил, что продает этот купальник потому, что он ему мал, до Верки дошло, что это была шутка. У Верки с чувством юмора все в порядке, поэтому она не обиделась. Ленка нашла у себя какие-то пластинки, и мы немного танцевали под них. Когда я танцевала с Аликом, он молчал, а я вообще была ни жива, ни мертва, как в пасти у льва. Тогда, у Ленки он смотрел сквозь меня и на выпускном вечере он ни разу не посмотрел в мою сторону, а я каждую минуту знала, где он и какое у него выражение лица. Я заметила, что еще одни глаза неотступно следят за ним. Маленькое платьице, светлые волосики... Счастливая! Она могла смотреть на него сколько угодно, ведь она училась с ним в одном классе. На этом вечере у меня вдруг оказалось два кавалера, с которыми я танцевала. Это были Женя и Дима из десятого "а". Они и раньше подходили ко мне на переменах, и мы о чем-нибудь болтали, но я никогда не замечала ничего особенного в их поведении. Или я ужасно ненаблюдательная, или все влюбленные умеют притворяться равнодушными, как я. Я не знаю, как бы чувствовала себя другая девушка, выслушав за один вечер два объяснения в любви, но мне было ужасно. Мало того, что это были одноклассники Алика, они были его друзьями, и достойными друзьями. Почему в меня не влюбился никто из десятого "в", или из нашего класса, а именно те, кто был рядом с ним? Значит в ту сторону летели какие-то мои стрелы и они были разящими, только Алик оказался твердым, как гранит. Боже мой, думала я, это какие-то дьявольские козни, бред какой-то. Кто-то мучает меня, кого-то, оказывается, я. Какая-то перепутаница. Я с тяжелой душой слушала искренние и трогательные слова, а сама думала, что и у меня в жизни теперь, когда я больше не буду его видеть, образуется черная дыра, которую нельзя будет ничем заполнить. К концу вечера у меня было такое чувство, будто за моей спиной все время присутствует гильотина.

Вечер закончился на рассвете, все стали группами разбредаться. Город был пустынный и гулкий, он принадлежал в этот час медленно плывущим купам белых платьев, которые стекались на нашу площадь. Я тоже оказалась там и увидела знакомое лицо. Лидка была здесь со своим классом, им пришлось проделать длинный путь с другого конца города, она устала и мы вместе пошли к нашему дому, который был недалеко. Лидка была невеселая, у нее было какое-то свое несовпадение. Хотя это была моя самая близкая подруга, но были темы, которых мы не касались. Я ей ничего не рассказывала о моем кумире, и не спрашивала, почему она больше не готовит уроки с Петей, если она сама не хочет об этом говорить.

Сразу за площадью был маленький скверик, проходя мимо которого мы увидели Алика. Он сидел там один, откинувшись на спинку скамейки. Своей усталой позой и бледным лицом он был похож на принца после кораблекрушения. Я не удивилась и не обрадовалась, я уже так измучилась, что восприняла его неожиданное появление, как продолжение какого-то фантастического сна. Лидка решила подойти к нему, ведь они тоже были знакомы. Мы сели с ней на скамейку напротив, и начался разговор о пустяках, Алик

смотрел на Лидку, а я во все глаза на него. Это не было неприлично, ведь шел общий разговор. Я смотрела на него и думала, что я не ошибалась — нет ничего на свете лучше этого лица. Один молодой священник, когда у него спросили, как он нашел себе такую чудесную жену, ответил: "Я вошел в один дом и увидел лицо не испорченное городской суетой". У Алика такое лицо. И у Лидки такое лицо, они похожи. А у меня лицо не такое. Я не умею всегда быть выше обстоятельств. Я не знаю, кем были его предки, дворянами или крестьянами, но они соединились в нем гармонично и получился кристалл чистой воды. А во мне перемешаны новгородские священники с полтавскими землепашцами, и получилась какая-то яшма или агат. Агаты мне тоже нравятся, они разнообразны, но в одной оправе с изумрудом они не совместимы.

Небо было тусклым, пронзительно пахла, нависающая над нами сирень, и мы с Лидкой сидели на краю скамейки, как две белые чайки с поникшими крыльями. Глядя на него я думала, что лучших слов любимым, чем у девушек в русских сказках: "Сокол мой ясный, голубь мой сизый" никто не придумал и я не придумаю. Еще я думала, что не будь здесь меня, разговор этих двоих, возможно не был бы таким пустяковым.

У Лидки была одна особенность, с ней часто бывали откровенны знакомые ребята. Бывают такие девочки, которых принимают в мужскую компанию за их редкие качества, такие, как хорошее чувство юмора, наличие ума и отсутствие всяких женских штучек, вроде слез, истерик и болтливости. У Лидки дома всегда толклись мальчишки из ее класса, а теперь — однокурсники. Они вместе делают уроки, играют в шахматы и преферанс, сочиняют новые коктейли и устраивают соревнования, кто, например, быстрее съест тарелку слив. Они берут с собой Лидку в небольшие загородные походы с палатками, кострами и спортивными состязаниями. Однажды я поехала с ними и сначала ощущала недоверчивость и подозрительность в свой адрес (а вдруг я нарушу традиционность их устоявшейся компании). Я ничего не нарушила, прочитала одобрительные взгляды, но больше мне не захотелось участвовать в этих олимпиадах. Среди этих лобачевских я чувствовала себя дурой. А когда меня однажды после лидкиного дня рождения пошел провожать самый длинный из них с лидкиного второго этажа на мой третий, мне казалось, что он сейчас меня спросит что-нибудь вроде бинома Ньютона, а я не смогу ответить. Я заметила, что в этой компании некоторые ребята к Лидке относятся более тепло, чем просто дружески, но это почти никак не проявлялось, и даже каких-нибудь особенных поблажек для нее в походных условиях не делалось. Хотя Лидка мне прямо не говорила, но все же мы были подругами^ я по косвенным признакам догадывалась, что она иногда бывает в роли исповедника. Ведь, если рядом есть умный, чуткий и надежный человек, к тому же это обаятельная девушка, с ней можно поделиться своими мыслями, не опасаясь быть непонятым.

Я знаю, что Алик был из круга тех лидкиных знакомых, кто относился к ней с доверием. Так вот, возможно, не будь меня, он поведал бы ей, о чем он здесь размышлял в одиночестве после выпускного вечера. А, может и не размышлял, а просто не хотел идти домой. Он вдруг сказал, посмотрев на меня; "Юля сегодня блистала". Блистала... Это такое непривычное слово, из других времен, для других людей. Непонятно было, произнес он это с иронией или с одобрением. Когда мы с Лидкой попрощались с ним и пошли к своему дому, она вдруг сказала мне: "Пестовская, ты попусту расходуешь свои флюиды. Ему нужна не Майя Плисецкая, а Женни Маркс".

Ну, у кого еще есть такая ясновидящая подруга, да еще, которая может так утешить?! После этих слов горестное облако моих мыслей превратилось в приговор с подписью и печатью. У меня в висках застучали английские слова неожиданно вспомнившегося стихотворения "Nevemore, nevemore, nevemore," (никогда, никогда). Я так ясно представила себе этого ворона, который зловеще выкрикивает поэту: "Не надейся, ничего не сбудется. Она умерла, и ты никогда не увидишь свою Линнор," " Nevemore, nevemore ". Это английское слово еще более убийственное, чем русское "никогда". Оно необъятно, как море и непробиваемо, как скала. Я шла, и слезы катились по моему лицу. Я увидела, что Лидка тоже плачет. Вообще-то мы с ней не плаксы, но как-то получается, что, если мы плачем, то вместе. О чем лила слезы я, понятно, а о чем плакала она, я не знаю. Может о своем каком-то несовпадении, или об уходящей так стремительно юности, или просто со мной "за компанию". Мы брели, роня слезы, а изумленная дворничиха, замерев со своей метлой, ворчала нам вслед: "Ой! Такие одеванные во все красивое и такие расстроенные".

С Лидкой мы дружим с трех лет. У нас была одна песочница, один дом и одна парта. У нас было нормальное детство. По разным причинам, часто оставаясь без присмотра, мы резвились "на полную катушку". В нашу дворовую команду, кроме нас, входило два Вовки и два Сашки. Из-за такого перевеса мы играли только в мальчишеские игры: в войну, в индейцев и сычики-разбойники. На деревьях мы устраивали засады, на чердаках и в подвалах мы прятались от фашистов, а в углу двора мы иногда принимались рыть одну и ту же яму, почему-то надеясь найти в ней клад. Нам было где развернуться. Перед нашим красивым, похожим на испанский парусник домом, раскинулся большой живописный сквер, за ним был садик юридического института "Юрик" на нашем языке, а дальше строительные просторы с развалинами больших домов, в которых жутко гудел ветер и со скрипом раскачивались на железных прутьях каменные глыбы. В этих развалинах мы собирали оставшиеся с войны пульки и даже нашли настоящие револьверы. Вовка Дворкин разобрал их на части. Он был самым отчаянным из нас. Однажды он забрался на крышу нашего трехэтажного дома и как-то сполз к карнизу, а здесь как раз по двору шла его мама. Он нам потом сказал, что если бы она крикнула, он бы точно свалился, но она только побледнела и молча смотрела, как он выползает на безопасное место. Потом с ним, конечно, дома разобрались. Вдоль нашего дома тянулся деревянный забор, который иногда почему-то сносили, и тогда наш двор становился большим, и мы играли

с детьми из соседнего дома. Но, когда этот забор возникал вновь, мы с ними сразу же начинали воевать. В щели забора мы посылали дразнилки и воинственные призывы, а через забор — стрелы и снаряды. Однажды на военном совете было решено отправить меня с Лидкой на разведку в соседний двор. Мы должны были притвориться перебежчиками и разузнать, где у них склад с оружием. Сначала все шло по плану, но потом нас все же разоблачили и задали нам трепку, а наши мальчишки смотрели через забор и смеялись. Мы с ними за это были в ссоре один или два дня. В летних лагерях мы с Лидкой не собирали цветочки, а прыгали с высокого дерева в воду, катались на байдарках и удили рыбу вместе с мальчишками. Эту мелкую рыбешку мы засаливали и развешивали на кустах, и потом у нас были полные карманы вкусных рыбок. Зимой мы участвовали во всех мыслимых видах спортивных развлечений и перед тем, как предстать пред родителями, пытались просушить свои пальто, развесив их по лестничным батареям. Мы записывались во все подвернувшиеся кружки, где мы выпиливали лобзиком ажурные полочки, вышивали салфетки, вязали шапочки, танцевали и писали письма польским школьникам в клубе "Дружба". Мы все время изобретали себе новые занятия. То мы учились бесшумно ходить и внезапно нападать, чтобы стать сыщиками, то брались помогать дворнику и разгребали снег на дорожках. Мы приходили к закрытию киоска возле нашего дома и помогали киоскерше тащить ее тяжелую тележку с коробками до магазина, за что получали по "барбариске". В кукольный театр нас водил лидкин папа. Он и дома нам устраивал кукольные представления. Чего он только ни умел! Показывал нам на стене диафильмы, удивлял нас фокусами и новыми играми. Он читал нам кусочки из "Швейка" и "Двенадцати стульев", давал нам послушать с пластинок мелодии "Пиковой дамы" и "Риголетто". Он был таким добрым и радушным, что в их доме всегда были гости-взрослые и дети. Картофельные котлетки здесь были вкуснее, чем деликатесы моей бабушки. Израиль Львович когда-то в молодости пришел голым и босым, как говорила его жена Сарра Леонтьевна, из маленького местечка в наш город, сам всему выучился, стал преподавателем теоретической механики, собрал библиотеку, научился играть на пианино. Однажды он приехал забирать нас из пионерского лагеря, где мы проветривались после второго класса, и заметил, что я очень расстроена тем, что потерялся мой прекрасный синий берет. Нам с Лидкой купили одинаковые, мы иди очень гордились. Пошептавшись с дочкой, он отдал мне ее берет, сказав, что это, наверно, мой попал в ее чемодан. Между Лидкой и ее папой всегда была дружба потому, что он все понимал и прощал.

А вот в школе нам не все сходило с рук. Хоть Лидка и была отличницей, а я где-то рядом, в пятом классе нас с ней разлучили. Ее перевели в параллельный класс в назидание всему нашему резвому пятому "б", в котором все время происходило что-нибудь необычайное. Мы, например, организовали перевоспитательный момент нашему зловредному ябеде Зезюле. На большой перемене все девчонки остались в класс, заперли на ножку стула дверь и, надев ему на голову ведро, побили его ремешками, которые нам охотно одолжили мальчишки. С ними у нас были хорошие отношения, ведь мы их изобретательно спасали на контрольных. На наших партах сбоку были прибиты крючки для мешочков с обувью. Перед контрольной мы по ним протягивали нитку-транспортер, к которой потом прицеплялась записка с решением. Кому нужно было, тянул за ниточку, пока к нему ни подъедет эта "скорая помощь". Мальчишкам, которые забыли принести на урок труда принадлежности для штопки, мы помогли прорезать дырки на их носках и приспособить чернильницы вместо грибков. Мы забинтовывали руки тем, кто боялся в этот день решать у доски задачу и шею тому, кто не выучил стихотворение. Во время сбора металлолома охотничий пыл завел нас на старое кладбище, где в маленькой церкви шла служба. Пение, доносившееся оттуда, было таким красивым, что

мы всем классом пробрались внутрь и с восторгом рассматривали загадочное и праздничное убранство. Какая-то милая женщина стала нам тихонько рассказывать интересную историю об Иисусе Христе, и, когда я пришла домой, то торжественно доложила родителям, что Бог есть. Судя по всему, не одна я пыталась обратить домочадцев в веру. На следующий день в нашей школе срочно собрали пионерскую линейку, перед всеми учениками стыдили наш класс за несознательность и обещали выгнать из пионеров. Тогда учителям так приказывали поступать, но все же наша классная руководительница вместо положенных идейных проповедей приносила на классный час проигрыватель и ставила нам пластинку с моцартовским "Реквиемом". Она слушала вместе с нами, лицо у нее было печальным, даже горестным. О чем была ее печаль?

В том же пятом классе мы с Лидкой влюбились в походе в одного старшекласника и придумали захватывающую игру. Мы стали сочинять любовные послания от его имени, такие, какие бы мы хотели получить от него сами, и отправляли их через нашего приятеля Сашку одной толстой противной девчонке, а ее зарисованные цветочками ответы складывали в свой тайник. Когда нас разоблачили и отругали, мы согласились, что поступали некрасиво. В седьмом классе мы сочиняли и распевали всем классом частушки, навеянные уроками биологии и песнями о партии, которые нас заставляли петь хором:

*"Течет моча в канальцах наших,
И кровь бурлит в артериях.
Тебе, наша партия, доверяем!
Веди нас вперед уверенно!"*

В девятом классе уже другой школы я придумала очень удачные частушки о наших учителях. Девчонки из нашего класса их пропели, изображая характерные жесты героев этих куплетов, на школьном

вечере. Все хохотали и никто не обиделся. Этот мой новый класс был тоже удачным, в нем было полно талантов. Моя соседка по парте Натка умела все — и петь, и танцевать, музицировать и гимнастические трюки выделывать. На переменках она замечательно изображала нам сценки из оперетт. И внешность у нее была подходящая — веселый хвостик волос, вздернутый нос и озорные глаза. Иногда в наш класс из-за двери просовывалась голова с аккуратным светлым чубчиком одного старшекласника, делавшего попытки выманить Натку из класса, но она упрямо тряхнув хвостиком отворачивалась. А Верка шептала ей: "Натка, ну, выйди. Он такой симпатичный, и в очках..." (Верке нравились только мальчики в очках). Наткины родители приучали ее к какой-то монашеской жизни. Из дома ее отпускали только на занятия, и она с завистью слушала наши разговоры о новых фильмах и веселых прогулках. Может ее отец был какой-нибудь засекреченной важной персоной и боялся, что его дочь похитят. Я уже раньше училась с одной девочкой, у которой был такой папа, и ее никуда не пускали. Натку ко мне отпускали один раз в год на мой день рождения, а я к ней ходить в гости не могла, так как она жила в военном городке, где стоял часовой и проверял пропуска. Натка все делала быстро и успевала на контрольных проверять мою работу, так как я часто пропускала буквы. А Верке проверяла контрольные Ритка Птичкина. Вот с кем в разведку я бы не пошла. Верке она проверяла не так бескорыстно, как мне Натка. Ритка была круглой отличницей, и копила свои пятерки, как червонцы, рассчитывая получить за них удобное будущее. По-моему ее так настраивал ее хорошо устроенный отец. Она потом со своего какого-нибудь высокого места, где "все схвачено, за все заплачено" будет посмеиваться над нами простаками. Ее глаза иногда вспыхивают нехорошим огнем, но добродушная Верка ничего этого не замечает, а я молчу, ведь они сидят за одной партой, и не хватало, чтобы они ссорились. К тому же мне Ритку немножко жалко. Она явно завидует дружбе нашей четверки — я, Верка, Санька, Танька и даже заискивает перед нами. Она не понимает, почему нам всегда весело, почему нам нравятся не те книги, что ей, и не те фильмы, и почему учителя бывают с нами более откровенны. Но это видно только мне, ведь ее затылок и вздохи весь день передо мной. А так, ее никто не отталкивал, она вместе со всеми участвовала в наших классных мероприятиях. Концерт, к которому приготовили частушки, был самым интересным в этом году. Мальчишки из восьмого класса разыграли веселые сценки из ковбойской жизни, и мы смеялись до слез, а десятый класс угостил всех театрализованным исполнением стихов Бернса. Главной чтицей была у них Наташка Белецкая, звезда веркиного драмкружка. Эта Дюймовочка была такой пластичной, ее голос был так послушен своей хозяйке.. От Верки я знаю, что наташкин папа несколько лет просидел в тюрьме и только недавно оттуда вышел. Он работал в кукольном театре, и его арестовали из-за какой-то чепухи. С тех пор наташкина мама, как танькина, штрыкает по ночам чужие чулки, чтобы как-то свести концы, но все равно Наташка с сестрой ходят в каких-то детских пальтишках и стареньких туфлях. Когда их папа вернулся, куда бы он ни шел, всегда возвращался домой с белой булочкой, ведь он несколько лет о ней только мечтал.

Наташке Белецкой в драмкружке Дворца пионеров давали роли героинь, а нашей Верке — роли их бабушек, которые ей хорошо удавались. Это Верка заразила меня любовью к театру. Однажды в Москве на зимних каникулах мы посмотрели с ней за пять дней семь спектаклей (два были дневными), среди них "Принцессу Турандот" и "Три сестры" во МХТе. Билетов в кассе, конечно, не было. Вы бы посмотрели, как Верка их добывала. Она их выклянчивала у теток в театральных киосках или как коршун кидалась на "лишний билетик" особым чутьем угадывая его еще лежащим в чьем-то кармане. На какой-то спектакль нас пропустили по одному билету..! потом, забыв о билетах, и обо всем на свете, мы счастливые, входили в сверкающий зал в предвкушении пира для ума и сердца.

Верка — человек одаренный, у нее безошибочный вкус и цепкая память. Она — наше справочное бюро. Она всегда знает, какой фильм, из идущих у нас, нужно посмотреть, кто к нам приезжает на гастроли. Она подскажет, на какой улице есть магазин, где продается подходящая ткань для платья, которое вы задумали, и у кого можно взять "на прокат" туфли, если они срочно понадобились на какое-то торжество, а подходящих? вашему платью так и не удалось купить. Знает она все это, во-первых, потому, что носится не городу, как белка, по своим разным делам, и при этом не любит, как я небесами, а читает афиши и всюду сует свой нос. И, во-вторых, у нее столько знакомых, что она на улице непрерывно с кем-нибудь здоровается. У нее удивительная способность моментально и навсегда запоминать лица людей и все, что с ними связано. Она помнит всех, с кем училась в одной школе, в следующей школе, теперь уже знает всех однокурсников. Мало того, она каким-то образом в курсе их дел, и даже дел их родственников. Ее общительность, и любознательность, помноженные на кипучую энергию, делают ее уникальной в своем роде. Половину свободного времени Верка проводит на днях рожденья и четверть — тратит на покупку подарков. Она всегда точно знает, что она хочет подарить и где это продается. Ее подарки бывают самыми удачными. Ее книжка, пластинка или игрушка — как раз то, о чем мечтал именинник. Наблюдать за Веркой в магазине — одно удовольствие, это прямо какие-то сцены из охотничьей жизни. Она уже с порога охватывает взглядом все его содержимое. Ей не нужно время, как мне, чтобы привыкнуть к освещению, собраться с мыслями. Она, как кошка к мыши, кидается к кончику какого-то шарфика и вытаскивает его из пестрого пучка, мурлыкая себе под нос: "Это то, что нужно Витке к ее новому пальто". Дальше происходит исследование сумочки со словами: "Нужно позвонить Наташке, эта сумочка ей понравится". Потом мы покупаем помаду для тети Поли (есть как раз нужный ей оттенок), три альбома пластинок с музыкальной сказкой "Али-Баба и сорок разбойников", для тех веркиных знакомых, у кого еще нет ее и запоминаем симпатичные клетчатые шторы для чьей-то кухни. Вы бы посмотрели с каким багажом Верка возвращается

из поездок! Она потом неделю раздаёт свои трофеи. Про Верку можно сказать, что это не человек, а явление природы со стихийными проявлениями и непредсказуемыми последствиями. В ней перемешано все: смех, слезы, песни, пляски, радость и отчаяние. Выдается это щедрыми и концентрированными порциями и чередуется со скоростью картин немого кино. То, что Верка учится в институте радиоэлектроники звучит, как анекдот. Она тоже, как и я, стала жертвой родительской моды на техническое образование. Она может и усвоит эти науки, так как она не ленивая и сообразительная. Но, что за чудеса будут расцветать на ее перфокартах, когда она будет составлять потом программы для ЭВМ, мы через пять лет полюбуемся. Она, как и я, задачу решит, но в простейших вычислениях ошибку посадит, и все время что-нибудь теряет.

Моя мама любит всех моих подружек, но Верку особенно. Во-первых, у Верки умерла мама, а во-вторых, ее не любить нельзя, такое это доброе и непосредственное существо. Мама, завидев ее, сразу тащит что-нибудь вкусненькое. У Верки всегда хороший аппетит; даже, если она чем-нибудь расстроена, она быстренько расправится с тарелкой груш и несколькими кусками "Наполеона".

Зимой наши с Веркой маршруты совпадали, а летом мы с ней разъезжаемся в разные стороны. Ее тянет в цивилизованную Прибалтику, а меня на дикий Кавказ. В этом году я побывала там дважды, летом в Гаграх с Танькой и Санькой, а потом, в конце сентября в Адлере с двумя девочками из моей институтской группы, Зинкой и Аллочкой. Получилось это так.

Нас, первокурсников, отправили в сентябре в колхоз собирать помидоры, которыми мы объедались, складывая их в ящики на солнечном поле. Они казались нам очень вкусными не только потому, что уже как следует созрели, но и потому, что другой еды нам давали очень мало. После работы я с Зинкой и Аллочкой ходила плавать на маленькую речку, запрятавшуюся в кустарник уже скорее желтый, чем зеленый, так как лето заканчивалось. Однажды, когда мы подбирали последние помидоры на нашем поле и разговаривали о том, что здесь очень красиво и не хочется возвращаться в город, у нас появилась идея раздобыть палатку и прожить оставшиеся до занятий дни на берегу этой славной речушки. Но тут же зарядили дожди, и мы решили на предстоящую свободную неделю переместиться куда-нибудь в теплые края. Нам должны были за работу выдать по пятнадцать рублей. Этого хватало на дорогу туда и обратно со скидкой по студенческому билету до самого Черного моря. Мы решили, что выйдем из поезда на первой понравившейся нам станции, а дальше видно будет.

Наконец, мы получили в конторе расчет, добрались со своей группой до города и отправились не домой, а на вокзал с радостным предвкушением путешествия. Особенно радовалась Зинка, она ни разу еще не бывала на море. Все шло отлично. Поезда шли в любом направлении, билеты в кассах были, так как сезон отпусков уже закончился. На вокзале я всегда впадаю в какое-то особенное состояние восторга от возможностей. Здесь столько рельсов и поездов и вдруг становится понятно, что для счастья нужно так мало — зажать в руке кусочек картона, сесть в этот зеленый ящик с колесами и оказаться в неведомых землях. Ненужные вещи мы оставили в камере хранения и с рюкзаком, в котором были летние платья и банка сливового варенья мы сели в наш поезд, который через несколько минут повез нас из дождливой осени в теплое лето. Мы ехали один день и одну ночь. Нам было весело, мы смотрели, как за окном меняется в нашу пользу пейзаж и пели песенки отрепетированные на помидорном поле. Мы ехали, ехали и, наконец, въехали в жару. На уплывающих перронах уже преобладали загорелые лица и яркие одежды, суетливые толпы пассажиров разбавились медлительными беспечными курортниками, и на солнце томились фруктовые россыпи. Мы, долго не раздумывая, сошли в живописном городе Адлере, тем более, что я уже здесь бывала и знала, как устроиться. Мы пришли на турбазу, взяли напрокат за пятьдесят копеек палатку и спальные мешки, и, облюбовав полянку рядом с какими-то летними домиками, разбили свой лагерь. Палатку мы поставили без особых затруднений, сложили в нее свои пожитки, спальные мешки развесили на солнышке и отправились к морю. Я уже столько раз была на этом море, но каждый раз, приезжая, вижу его как будто впервые, и каждый раз оно меня поражает. Море, как огромный живой зверь разлеглось под солнцем и, как бы говорит мне: "Ну, что, опять приехала? Ну, поплавай, поплавай... А я вот тут лежу, камешками шуршу, с берегом в салочки играю". пляж был безлюдный и чистый, вода была теплой и прозрачной, было так чудесно плавать, валяться на теплых камешках и вдыхать подсолненный ветерок, что не хотелось уходить, и мы стали все дни проводить у моря. Зинка блаженствовала вдвойне, она еще и рисовала синие дали, красками, которые она всюду возила с собой. Питались мы эту неделю в основном фруктами, которые почти даром предлагали на рынке скачущие над своими душистыми пирамидами торговцы. Веселый усатый грузин выкрикивал нам: "Дэвушки! Давай адрес, бэры бэсплатно". Хотя адрес мы не давали, он выбегал из-за прилавка и совал нам в руки роскошные кисти винограда. Мы заметили по дороге на турбазу заброшенный сад с персиками и каждый день там паслись. Вечером мы покупали за одиннадцать копеек талон в турбазовской столовой на ужин, и его хватало на троих, так как хлеба и чая можно было брать сколько хочешь. Когда мы готовили нашу палатку к ночлегу, нам приветливо махали руками из окошка соседнего домика и кричали: "Спокойной ночи, дэвочки". Утром, выбравшись из палатки мы опять слышали приветствия и видели в окошке веселые лица отдохнувших в этом домике армян. Их было человек пять мужчин разного возраста. Мы иногда вечером видели, как самый молодой из них подолгу у зеркала прилаживает свой галстук, наверно, собирался на свидание. Они всегда были в хорошем настроении, напевали песенки и играли в нарды. Наши дни тоже проходили безмятежно, до одного случая, который приключился накануне нашего отъезда. Тем вечером я с Аллочкой пошла ужинать в столовую, а Зина почему-то не захотела и осталась сидеть на скамейке возле палатки. Возвращаясь, мы увидели рядом с ней

какого-то верзилу, а на ее лице подозрительную растерянность и бледность. По развязным манерам этого типа, рыжего с орлиным носом, можно было догадаться, что это не лучший представитель своего горного народа. Он милостиво позволил сесть нам на нашу скамеечку и сделал следующее заявление: "Вашей подруге я уже все сказал, теперь повторю вам. Сейчас вы поедете со мной и моими друзьями в ресторан. У ворот уже ждет машина. Отказываться бесполезно, мы на этой турбазе хозяева. За вами мы наблюдаем давно и вы нам понравились". Коротко и ясно. Местная мафия. Я что-то краем уха о них слышала. Какой-то домик они разгромили, кого-то побили. Теперь мне стали понятны странные сегодняшние намеки нашего знакомого инструктора, который иногда подсаживался к нам на скамеечку поболтать. Он уже знал, что они на нас нацелились, но побоялся предупредить нас прямо. Зинка с Алкой сникли. Я тоже поверила нашему гостю, что отказываться бесполезно, но все же сделала попытку: "А мы уже договорились на сегодняшний вечер с другими".

— С кем?

— А вот с этими — махнула я рукой в сторону армянского домика.

— Я сейчас с ними поговорю — с угрозой в голосе сообщил рыжий и стал приподниматься в том направлении.

— Нет, это шутка — сказала я, чтобы не подводить неизвестно даже кого.

Он опять уселся и спросил: "Ну, так что?" Вы скажете, что я ненормальная, но к ощущению большой опасности у меня примешалось совершенно неуместное веселье, как в детстве, когда мы все дворовой командой кидались убежать от своры собак на стройке, специально подползая к ним как можно ближе за горами песка. А потом нужно было очень быстро добежать до забора и перелезть через него обратно к себе во двор. Был ужас погони и восторг победы. Или как на уроке химии, где нужно было моментально сконцентрироваться и решить задачу "на соображанс", чтобы получить королевский титул. Нужно было обогнать пыхтевшую впереди отличницу Птичкину.

И здесь, на этой скамеечке мои мысли замелькали быстро и отчетливо. Вот мой враг, его нужно победить. Лицо у него тупое, значит уговорить его нельзя. Нужно выиграть время и ускользнуть от них. Дальше я знаю, что делать. Через персиковый сад — в город. Аллочкин папа подполковник такой службы, с которой ни она милиция не захочет портить отношения, несмотря на местную мафию. Они помогут нам сесть в поезд, и "прощайте скалистые горы". Палатку нужно спрятать, за нее мы должны в прокате получить наши документы.

— Ну, так что, — спросил рыжий.

— Не можем же мы ехать в ресторан в шортах. Нам нужно переодеться в платья — сказала я.

— А, это, конечно. Мы будем ждать вас полчаса у главного входа.

Ставили мы нашу палатку час, а сняли ее за какие-то секунды. Я попросила у наших соседей нож и срезала все веревки, на которых она держалась. Армяне с удивлением наблюдали наш переполох, а, узнав в чем дело, чуть ли не силой затащили нас в свой домик. Мы спрятали у них палатку и все же порывались уйти, чтобы не навлечь на них беду, но они сказали, что никуда нас не отпустят и в обиду не дадут. Хозяева домика усадили нас за стол, задернули занавески и затеяли игру в "дурака", чтобы нас как-то развеселить. Они шутили и напевали песенки, но по быстрым взглядам и коротким фразам на чужом языке было понятно, что они готовятся к неприятному разговору. Один только затесавшийся среди них наш соотечественник сибиряк и боксер Володя ходил по домику, как встревоженный петух и откровенно ворчал, что не надо было ввязываться в эту историю. "Мельчаем потихоньку — думала я, глядя на него.

Через полчаса раздался стук в дверь и началось "вавилонское столпотворение". Наши спасатели по одному покидали домик и присоединялись к чему-то похожему на разгоряченный восточный базар, гвалт на котором угрожающе нарастал. Мы остались одни и мучительно долго ждали, чем все это кончится. Наконец, вошел Лаурент, тот, который по вечерам наряжался в галстук, и сказал, что все улажено, но один из наших несостоявшихся кавалеров не желает уходить, не поговорив с нами. Дверь распахнулась и в нее вошел рыжий, тяжело ступая и сверкая зелеными злыми глазами.

— Ты почему меня обманула? — обратился он ко мне.

— А ты не оставил мне выбора, — ответила я.

— Ну, смотри, не попадайся мне больше, — сказал он, расстреливая меня глазами.

Когда эти молодчики убралась восвояси, нам рассказали, что с ними удалось договориться благодаря тому, что самый пожилой из армян знал абхазский язык и был наполовину абхаз. Из уважения к пожилому человеку своей крови они отступились. К тому же, чтобы они отвязались, им сказали, что у нас не только соседские отношения. Это я поняла из того, что пробормotal, покидая позиции, рыжий предводитель. В общем, с помощью международной дипломатии, кавказского рыцарства и маленького обмана мы были спасены. Армяне и дальше вели себя благородно. Нам принесли ужин и предоставили для ночлега домик, оставив с нами для охраны старика. Утром нас с цветами и песнями провожали на вокзал, а Лаурент с Володей даже ехали в поезде до границы Абхазии. Володя уже забыл свои страхи и гоголем ходил вокруг Зинки, а Лаурент любезничал со мной и Аллочкой, но больше с ней. Он даже потом писал ей письма, из своего горного селения Азизбеков, приглашая приехать посмотреть, как делают сыры на заводике, где он работал инженером. Глядя на него, я подумала, что кавказцы живут долго потому, что они веселые и наивные, как дети.

Когда мы вернулись домой, наши мамы удивлялись, что мы так хорошо загорели в колхозе. Вы спросите, почему нужно было делать тайну из нашей поездки. Во-первых, нас бы не отпустили, Аллочку — это уж точно. Во-вторых, так интереснее. Когда все знают, куда я еду, я чувствую себя, как привязанной к какой-то веревочке. А когда никто не знает, где мы, так замечательно нырнуть в приключения.

Моя Лидка тоже только что вернулась из колхоза, и нам было о чем рассказать друг другу. Я лежала рядом с ее конспектами на кусачем с детства знакомом мне пледе, покрывавшем огромную старомодную кровать с никелированными шарами, которая в дневное время служила диваном не от бедности, а от равнодушия в этом доме к материальным ценностям. Я развлекала Лидку адлеровской историей и вдруг перескочила на совсем другую тему. Меня понесло по волнам воспоминаний и фантазий о моем главном герое. Я стала рассказывать ей о танцующих тенях и ветвях, которые мне нашептывают, что царевич заколдован, сердце его остудила Снежная Королева. Свет его очей она отдала осенним кленам, а его самого превратила в греческую статую. Теперь попробуй, отыщи ее среди других в Эрмитаже. Его дыхание она расселила по букетикам белых крымских подснежников, в туго спеленутые листьями кулечки которых, погрузите нос, услышишь запах свежей земли и снега. "Правда, правда" — гудят все провода и камни в нашем городе. "Мы видели, мы слышали. Ветер все знает, он нам рассказывал!".

Ну, кому еще кроме Лидки я могу рассказывать такие сказки. Остальные мои подружки скажут, что это слишком романтично, а Лидка может понять все. Она сказала: "Знаешь, Пестовская, ты так интересно все это изложила, что я теперь тоже в него немножко влюблена. "Я напомнила ей, как мы с ней возвращались с выпускного вечера и она вынесла свой вердикт. Она немного подумала и ответила: "Наверно недостаток одних качеств в человеке может компенсироваться избытком других". Это высказывание в мой адрес можно было понять так, что хоть я и не Женни Маркс и мое разбазаривание времени и отсутствие определенной цели в жизни можно назвать легкомыслием, но это обаятельное легкомыслие, которое можно усадить за один чайный стол с достоинствами. Все знакомые, кроме самых наблюдательных, считают меня вполне благополучной студенткой, ведь я получаю на экзаменах нормальные оценки. Но Лидка понимает, что я занизила планку и выстраиваю свою жизнь по упрощенному варианту.

У Лидки есть цель, она выбрала математику и так прилежно учится, что за преданность и усердие королева наук наградит ее. Лидка и сегодня в воскресенье с утра уселась за свои лекции, а я отправилась, прихватив с собой Саньку, чтобы проветрилась, за новой кофтой к тете Наташе на другой конец города. Это мамина подруга и она давно зовет меня забрать эту кофту. Дело в том, что у этой тети Наташи есть уже много лет неофициальный муж, к которому она очень привязана, хотя он старый, хромой и мрачный. Мама старается при мне этой темы не касаться, но я все уловила. Так вот, этот Квазимода заведует какими-то закрытыми, где видимо-невидимо всяких нарядов, которых не бывает на прилавках. Я не думаю, что это главное его достоинство в глазах тети Наташи, так как вижу ее равнодушное отношение к тряпкам, но все же она иногда делится со мной его подношениями, мы с ней одного роста и она не намного толще меня, хотя моей маме, которая не любит одолжений, это не очень нравится.

Санька не очень любит ходить пешком и половину пути мы проделали на дребезжащем трамвае. Мне больше нравится ездить на трамвае, чем на троллейбусе, он мерно позвякивает и покачивается как лодка. Еще с большим удовольствием я бы ездила на лошадях, меня все тянет в обратную от прогресса сторону. Мы с Санькой из окошка осмотрели все весенние городские новшества; удостоверились, что весь снег растаял, даже лужи почти просохли, всюду чисто и солнечно. Весна проснулась, умылась, сделала вдох, но не сделала еще выдох, от которого сразу все окрасится в зеленый цвет. В мире столько красок и музыки, что для счастья больше ничего и не надо, но люди такие жадные, что им кажется всего мало, они хотят еще и еще чего-то и в результате всегда несчастны. И еще я заметила, что они часто попусту тратят свою жизнь. Разве, например, модная мебель стоит тех усилий, которые тратят мамы подруги на ее добывание. Дежурят в магазине, записываются в какие-то списки. Люди живут так, как будто расселись здесь на Земле навечно и из-за каждого пустяка разыгрывают трагедию. Я бы выпускала по вечерам, как в старые времена, сторожей с колотушками, чтобы они ходили под окнами и выкрикивали: "Люди! Жизнь коротка, пролетит, как одно мгновение. Живите так, как будто вы завтра можете умереть. Радуйтесь каждому вашему дню, и не печальтесь о том, чего у вас нет".

В конце пути я думала об этом, а о чем думала Санька, я не знаю. Наконец, мы приехали и вошли в двухэтажный невзрачный дом, из тех, что толпятся возле нашего вокзала, как стадо чумазных понурых овец (которых я почему-то в деревне вижу только такими, а не чистенькими и кудрявенькими на зеленой лужайке, как изображают их в детских книжках). В таком доме всегда удивительно, переступив порог, попасть в уютную квартиру с веселой и приветливой хозяйкой. Тетя Наташа такая же воздушная, как торты, которые она сочиняет на своей кондитерской фабрике, где она работает технологом. Они там и растеряли всех дореволюционных рецептов и шоколадные торты со странным названием "делис" такие вкусные, что все приезжие их увозят с собой в другие города, как сувениры. У тети Наташи не очень веселая жизнь. Она все вечера проводит дома в ожидании своего возлюбленного, который не разрешает ей никуда ходить из-за того, что ревнивый. Она сидит и смотрит телевизор, хотя смотреть там особенно нечего. Изредка показывают фильмы, а так все какая-то чепуха вроде "школы коммунизма" и "блокнота агитатора", в новостях — все о надоях молока и засеянных площадях.

Хозяйка усадила нас за чай, поставив перед нами овальную коробку, где в блестящей соломке лежала дюжина миниатюрных шоколадных яиц, судя по состоянию белка и желтка сваренных вкрутую. Эти

наборы "курочка Ряба" тоже новинка и гордость нашей кондитерской фабрики. Поговорив о том, о сем, мы с полными карманами сладкого отправились домой. Кофту я под скептическим взглядом Саньки мерять не стала, и так было понятно, что она мне к лицу и по размеру, а Санька не преминула бы запустить в меня шпильку, при этой процедуре. Она терпеть не может возню с тряпками, хождение по магазинам. Всю одежду ей покупает папа, иногда мы с Веркой покупаем ей самые маленькие туфельки и блузки. Даже на примерки пальто она согласилась ходить только в компании со мной после того, как увидела, какие уродцы висят в магазине. Верка сообщила нам, что в каком-то захудалом магазинчике есть изумительная, просто бархатная ткань и удачные цвета; алый для меня и голубой для Саньки. Мастера, который шьет пальто не так, чтобы вы заплакали, получив изделие, нам подсказала Ленка. Теперь мы с Санькой вдвоем будем выглядеть как республиканский флаг, где красного намного больше, чем голубого.

Знаете, как она меня встретила, когда я зашла за ней сегодня утром? "У нас гости, а к столу есть только песок!" Она нафарширована всякими такими фразочками, как судебная щука овощами. И она действительно похожа на маленького сфинкса на желто-коричневом пледе, где она в своей обычной горизонтальной позе изучает анатомический атлас, или что-то подобное. Не то, чтобы она у нас лентяйка, но ее из-за какого-то пониженного в ней давления всегда тянет прилечь. И молчалива она, как сфинкс, высказывается редко, но мимо глаза не промахнется. Саньке нужно было идти учиться не в медицинский институт, а в педагогический. Она такая наблюдательная и хладнокровная, у нее такая моментальная реакция, что даже сорванцы ходили бы у нее "по струнке", и учитывая то, что уж уместилось в ее маленькой головке, они сидели бы у нее на уроках, как мумии, и ей оставалось бы только сказать в конце урока: "Закройте рот, дураки. Я уже все сказала".

Несмотря на санькин решительный характер, в ней есть и женственность. Она мне напоминает героиню из пьесы Эрдмана "Циники", которая застрелившись, потянулась к коробке с конфетами и подумала, что не нужно было стреляться, если теперь уже нельзя есть конфет. Санька может снять туфли в парке и гулять босиком по опавшим листьям. Или сесть посреди улицы пушистый сугроб.

Оба санькиных деда сгинули после ареста в те самые злополучные годы, когда сгинули многие. Ее отец стал историком только затерявшись в других городах. А сколько таких не получили образования или их просто не стало. Санька говорит, что они тогда расстреливали наше будущее и теперь мы ходим по костям, и, что мы — дети испуганных родителей. Она говорит только нам, своим подругам. За такие разговоры теперь в темницу не сажают, но неприятности устроить могут. Одна девочка с нашего курса рассказала политический анекдот в компании, где были все свои. Кто-то из них оказался не совсем своими через несколько дней с ней поговорили в одном учреждении так, что по ее словам, она теперь ни рассказывать, ни слушать никакие анекдоты не станет нигде и никогда, хотя она не из трусливых.

Санькин папа читает лекции по истории в институте, Я не знаю, ни противно ли ему говорить своим студентам не то, что думает, а может он, как наш Михаил Иванович, учит их читать между строк, но он мне нравится. Он, как спокойный добрый слон, который с трудом умещается среди полок и столов, уставленных книгами. Санькина мама на работе делает уколы мышкам, проверяя, как на них действуют разные лекарства. Она знает на память все стихи Некрасова.

Когда я зашла сегодня утром за Санькой, то пожаловалась ей, что мой новый плащ все-таки какой-то слишком широкий, она состроила ехидную гримасу и сказала: "Пестровская, когда ты в этом плаще, тебя хочется в нем поискать. Поляки, наверно, так его и задумали". Наблюдательная Санька тоже не догадывается, с каким нетерпением я жду сегодняшнего вечера. Я так натренировалась прятать свои чувства, что меня можно уже посылать в шпионскую разведку.

Вот вечер наступил, мне осталось одеть новую кофту и вылететь из дома. Эта кофта с длинной историей оказалась очень красивой. Японцев, которые ее связали в отсутствие вкуса не упрекнешь. Она воздушная, как морская пена, и отбрасывает на лицо какой-то перламутровый отсвет.

Наконец, сборы закончены, и я, благоухая, как весенний куст, несусь по улицам к школе, успевая по дороге замечать признаки надвигающегося лета, и втягивать ноздрями апрельскую свежесть.

Вот и школа. Ступеньки, крыльцо, тяжелая резная дверь. Вот прохладный вестибюль, в котором Михаил Иванович с Семеном Самойловичем встречают народ. Семен в своем зеленом костюме, с нефритовыми глазами, как старый кряжистый дуб с молодыми листьями раскинул мне навстречу свои рука-ветви. Он потряхивает меня за плечи и приговаривает: "Признайся, ты всех мальчишек на курсе свела с ума или только половину, Пестовская. Все хорошеешь". А ехидный Михал Иваныч говорит: "Семен, посмотри, она что-то с волосами сделала, какая-то рыжая стала. Но все равно красивая. Поднимайся вверх, мы скоро к вам придем".

Я полетела вверх по широким серым ступенькам, ощущая через тонкие подошвы холодный мрамор. У второго этажа я подняла голову, и камни задрожали у меня под ногами. Там у входа стоял Алик и смотрел на меня. И было понятно, что он ждет именно меня. Я приближалась к нему, а стены разлетались в стороны, и потолок стремительно уносился вверх, превращаясь в светлый купол. Я подошла, и статуя заговорила человеческим голосом. Я едва улавливала смысл его слов. Что-то там было о том, что я замечательно выгляжу, что он видит меня на концертах и выставках (какая же я растяпа, я его никогда не замечала). И, что он хочет со мной о чем-то поговорить, но это потом, а сейчас он хочет узнать, чему я такая умница с хорошим вкусом поступила на такой неподходящий для меня факультет, что нельзя обречь себя на заурядность. Я ответила, что можно пасти коров, играть на дудочке и быть вполне счастливым человеком,

хотя я тут же подумала, что это может не каждый, и, наверно, не я. И еще у меня промелькнула смешная мысль, что он задает мне какие-то прошлогодние вопросы, как будто он проспал год на дереве и теперь с него свалился, но это была только искра, со мной так бывает, что мне смешно в неподходящие моменты. А вообще-то я стояла и тихо сходила с ума от того, как он смотрел на меня. Вы бы видели его глаза! Когда на тебя так смотрят, можно спокойно умереть, зная, что все счастье, которое тебе предназначалось на этой земле, ты уже получил. Он смотрел на меня, как отважные капитаны смотрят на долгожданную полоску земли после изнурительного штиля.

Его глаза говорили, что можно оторваться от земли, летать и царствовать, что у него есть пропуск на этот полет на двоих, и он выбрал меня. Что мир прекрасен и безбрежен, пространства и времена бесконечны и можно лететь, пронзая их, увидеть их и услышать их все сразу, в одно мгновение и почувствовать свою к ним причастность, а значит и свою тоже бесконечность.

Я стояла и слышала кроме звуков его голоса плеск моря, шум дождя, свист бури. Оркестры играли сразу множество перебивающих друг друга мелодий. Звуки перемешивались, взлетали вверх и осыпались. Вихри, вспышки, всплески

— все пронзало меня и уносило вдаль.

Но нас заметили и стали звать в зал. Вездесущая Верка уже стояла рядом и удивленно хлопала ресницами. Мы разошлись по своим классам, и, хотя я рада была видеть всех, но участвовала во всем происходящем почти автоматически. Я была где-то далеко от них, в своих мелодиях и невесомости. Спустя какое-то время, когда все мои одноклассники насмотрелись друг на друга, и поток вопросов и ответов стал иссякать, Семен пригласил нас посмотреть, как танцуют его предыдущие выпускники. "Это король рок-н-ролла", — сказал он. И действительно, в уголке нашего

большого зала, чтобы не раздражать соглядатаев директрисы крамольными танцами, образовался круг, в котором танцевала великолепная пара. Парень был какой-то гуттаперчивый, и импровизации его были захватывающими. Партнерша была не хуже. Хотя она была не очень красивой, но двигалась так грациозно, и уже совершенно взрослое элегантное платье так красиво охватывало ее идеальную фигурку, что все ею любовались. Раньше я ее видела только в форменном коричневом платье с фартуком, так как их классам еще не разрешали другой одежды в школе.

Оторвавшись от танцев я случайно посмотрела в окно и застыла, как соляной столб. Я увидела, как по ступенькам, ведущим к школе спускается фигура, которую я узнаю в любой толпе и в любой темноте. Он уходил. Он шел спокойно и неторопливо, как всегда, и только его коричневый плащ хотел бы вместе с ветром улететь обратно в школьную раздевалку. Потолок надо мной стал опускаться на свое нормальное место. Все звуки облетели с музыкального дерева. Я стала слышать только сухое шелканье метронома, в такт которому стучали мысли в моей голове: "Он уходит, он уходит. Все правильно, все правильно. Все так, все так. Nevermore, nevermore. Никогда, никогда".

Я просто забылась. Так и должно быть. Он должен уходить, а не приходить, возвращаться на свою орбиту, с которой он сбился. Параллельные классы, параллельные орбиты, параллельные миры... Никто не может дотянуться до звезды.

Я почувствовала, как покрываюсь внутри инеем, какая там наступила ледяная тишина. Весь веселящийся под музыку шумный зал превратился вдруг в салон "Титаника", несущегося навстречу своему айсбергу, а сумрак за окнами — в толщу океанской воды.

И то, что он только отлучился и потом вернулся обратно, и то, что спускался вслед за мной по лестнице и жег меня взглядом, когда вечер уже закончился и Семен, обнимая меня и Верку, вторую свою любимую ученицу, вел нас в толпе к выходу, и то, что он звал меня, когда я оторвалась от всех и полетела по ступенькам вниз, уже не могло ничего изменить — я замерла, я умерла.

Ноги несли меня прочь, в густой холодный мрак. Слезы с моих щек скатывались вниз и прокладывали дорожки на моем плаще.

Я плакала оттого, что ничто в жизни не повторится.

Ничто. Кроме весны.